

Ирина Горюнова

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА:
ЗНАКОВЫЕ ИМЕНА**

(статьи, рецензии, интервью)

Москва
«ВестыКонсалтинг»
2012

Ирина Горюнова. Современная русская литература: знаковые имена. (Статьи, рецензии, интервью). – М.: Издательство «Вест-Консалтинг», 2012. – 162 [2] с.

ISBN 978-5-91865-127-8

Ясно, ярко, внятно, рельефно, классично и парадоксально, жестко и поэтично.

Так художник пишет о художнике. Так художник становится критиком.

Книга критических статей и интервью писателя Ирины Горюновой – попытка сделать слепок с времени, с крупных творческих личностей внутри него, с картины современного литературного мира, представленного наиболее значимыми именами.

Дина Рубина и Евгений Евтушенко, Евгений Степанов и Роман Виктюк, Иосиф Райхельгауз и Захар Прилепин – герои книги, и это, понятно, невыдуманные герои. Тем ценнее жанр литературоведческого non fiction, выбранного для своего сборника Ириной Горюновой.

ISBN 978-5-91865-127-8

© Горюнова И., текст, 2012

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2012

Оглавление

Статьи и рецензии

Захар Прилепин. Монументальный «совпис» и метафизические прозрения Леонида Леонова.....	7
Александр Файн. Странный рыцарь ушедшей эпохи.....	11
Валерий Казаков. Страшные сказки для президента.....	14
Валерий Мишин. АКТуальные тексты Валерия Мишина.....	16
Виталий Амурский. Время поэта.....	19
Владислав Дорофеев. ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом.....	23
Дина Рубина. Война двух миров на солнечной стороне улицы.....	27
Евгений Степанов. Портрет современника глазами поэта.....	29
Евгений Степанов. «Что такое хорошо и что такое плохо?», или Негламурный Степанов.....	37
Евгений Евтушенко. Евтушенко сегодня.....	39
Роман Виктюк. Пророческие сны.....	42
Андрей Коровин. Точка и линия на плоскости пролитого солнца.....	46
Сергей Костырко. Записки простодушного человека.....	48
Буфер, Пукер и Блугер.....	50
Марина Палей. Продавец воздушных шаров с космосом в голове.....	55
Андрей Гусев. Мир по Новикову.....	58
Иосиф Райхельгауз. Мы попали в запендю.....	62

Наталья Иванова. Пастернак «Времена жизни».....	65
Александр Ткаченко. Происхождение вида.....	69
Алексей Дидуров. «...Ибо горе бессмертно, а я сам имею предел...».....	73
Тимур Кибиров. «КараыБара» на вас на всех, господа.....	83
Александр Ткаченко. Ров.....	87
Эдуард Кочергин. Академикызатырци.....	92

Интервью

Вадим Левин.....	99
Татьяна Рудишина.....	111
Захар Прилепин.....	117
Иосиф Райхельгауз.....	127
Дмитрий Быков.....	138

Художник и творчество

1. Соперничество искусства и жизни.....	154
2. Акт творчества.....	156
3. Самоотождествление художника и предмета. Неидентифицируемость личности.....	160

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

Монументальный «совпис» и метафизические прозрения Леонида Леонова

Захар Прилепин «Леонид Леонов. Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. (Серия «Жизнь замечательных людей»; вып. 1427)

Захар Прилепин в своей новой книге о Леониде Леонове утверждает, что «игра его была огромна»: игра с жизнью, Сталиным, литературой... «Мир непомерный» этого писателя еще предстоит изучать и изучать. Многokратный орденоносец, лауреат Сталинской премии, Леонов, тем не менее, не просто автор «советских» «производственных» романов – его проза, особенно ранняя, толком еще и не изучена, да и сами романы не поняты.

Книга, безусловно, интересна, хотя бы тем, что Прилепин не пытается приукрашивать биографию автора, нивелируя те или иные его поступки, совершенные под давлением Сталина или под влиянием собственных страхов.

Судьба Леонида Леонова имеет две стороны: с одной – раннее признание маститых писателей (например, Горького), перевод его книг на все основные языки мира, массовое издание и переиздание книг, огромное количество научных работ, диссертаций, статей о его творчестве, с другой – запрещенные к постановке пьесы, растерзанные рецензентами романы, отсутствие крупных публикаций в печати в течение полувека, непризнание литературной значимости писателя кругом маститых литераторов...

Он прожил без малого век, век страшный и интересный. Судьба сталкивала Леонова со Сталиным, Вангой, Есениным, Горьким, Шолоховым, Булгаковым, Набоковым... Он оказал огромное влияние на творчество Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, братьев Стругацких, но при этом жизнь его все равно для многих остается тайной. «Будучи в возрасте патриарха, – пишет Прилепин, – Леонид Леонов сказал как-то, что у каждого человека помимо внешней, событийной, очевидной биографии есть биография тайная и ненаписанная».

Никаких особых тайн, впрочем, Прилепин не открывает. Вряд ли можно считать шокирующим секретом то, что Леонов – бывший белогвардейский офицер, не испытывающий особого трепета и почтения ни к Белой, ни к Красной армии.

Первые, да и последующие опыты стихотворного словотворчества Леонова откровенно слабы и появляются в печати только благодаря тому, что отец Лени редакторствует в архангельской газете «Северное утро». После закрытия этой газеты по материальным причинам, отец Лени, Максим Леонов, открывает другую – «Северный день». Юный Леонов осваивает профессии журналиста, корректора, наборщика и театрального критика, пишет практически обо всем, включая некрологи.

Судьба начинает благоволить к юному писателю, научившему писать прозу, даже после прихода Красной армии – он получает предложение стать сотрудником газеты «Красная весть». Везет ему и потом, когда он становится сотрудником дивизионной газеты «На боевом посту», или когда инструктор политотдела, бывшая княжна, Софья Александровна Аргутина вычеркивает фамилию Леонова из «расстрельного списка» – списка офицеров, по которым проводилось расследование. Список везений начинающего писателя можно продолы

жать довольно долго – но лучше прочитать книгу самому. Впрочем, добавлю только, что Леонову повезло влюбиться в дочь издателя Сабашникова – Татьяну. Нет, никаких корыстных «расчетов» у молодого Лени не было, просто так сложилась судьба.

Оценивать фигуру классика такого масштаба сложно, а судить и вовсе невозможно. Многие писатели вынужденно или добровольно ставили свои подписи под «расы стрельными» списками «бывших» товарищей. Леонову зачастую удавалось уклоняться от исполнения подобной «долга», хотя и не всегда. Прилепин пишет: «Леонов в разные годы века бывал и очарован, и оглушен, но никогда он не был раздавлен и унижен настолько, чтобы опуститься до бесстыдной подлости».

Один из самых известных романов Леонида Леонова, «Русский лес», вышел в 1953 году и сначала буквально был растерзан критиками, а, спустя некоторое время удостоен Ленинской премии. С одной стороны, «Русский лес» – роман «непреходимо советский», с другой – благодаря Леонову проблема сохранения леса вышла на первый план. Варварское отношение к лесопользованию в угоду планам пятилетки приняло глобальный масштаб, и Леонов, к тому времени депутат Моссовета, не мог не обратить на это внимания. Леонид Максимович ввязался в настоящую войну, приобретя многочисленных врагов, писавших на него жалобы в самые высокие инстанции (например, Васильева, заместителя директора Института леса Академии наук СССР). Прилепин пишет, что «Русский лес» – настоящий подвиг Леонова, особенно учитывая постановление ЦК партии (в ноябре 1953 года) о ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности. В определенном смысле роман «выхолощен» и картины на советской жизни чрезмерно идеализированы, однако

писатель вынужденно пошел на подобные действия и использовал «бесконечные трафареты социализма» для того, чтобы роман все-таки вышел в печать. В данной ситуации оказалось, что тема выше художественности. О «томительном ощущении внешней фальши» в романе говорили Александр Твардовский и Корней Чуковский. «Слишком много в романе полупоклонов советской власти, – пишет Прилепин, – которые Леонов делает малой способной к гибкости шеи и не самым искренним слывом». Что ж, всем свойственно ошибаться и кто посмеет осуждать Леонова?

В 1994 году Леонид Леонов издал свой последний роман «Пирамида», вышедший в не самое удачное время для литературы: падали журнальные и книжные тиражи, и оценить роман по достоинству было практически некому. «Пирамида» имеет подзаголовок «роман-наваждение» и начинается с двух тем, волновавших писателя: присутствие Бога в нашем мире и Россия в пору великого социального эксперимента.

«Леонов рассказал однажды, что импульсом к последнему варианту написания «Пирамиды» стал вопрос: «Может ли человек обвинять Бога?». Думается, этот вопрос так или иначе волновал или волнует всех мыслящих людей. И Леонов не исключение.

Роман-игра, роман-обманка, наваждение – самая большая игра, которую оставил нам в наследство Леонов. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Книга заканчивается описанием сноса Старой Федосеевской обители и пожаром. Что это: крушение веры, когда в итоге остается только пепелище, или сожжение наваждения и надежда на новое возрождение?

Ответ требуется искать самостоятельно.

Следует сказать, что, взявшись за жизнеописание слегка подзабытого советского писателя, Прилепин действительно взвалил на себя немалую ношу – Леонов прожил без малого сто лет (95). Удалось ли ему это? Скорее да, чем нет, и Прилепин старается описывать классика беспристрастно, показывая не только плотность его текстов, прозрения и удачи, но и его некоторые «прогибы» перед властью, невнимание к семье, творческую ревность по отношению к другим писателям... Безусловно, Леонов, в исполнении Прилепина, является человеком неоднозначным, сочетающим в себе «орденоносный, монументальный совпис» и трагичность умнейшего писателя, загадывающего загадки своими многоуровневыми сочинениями. В общем, книга получилась прелюбопытнейшая, отражающая метафизические пророчества Леонова, его еретические трактовки отношений Бога и человека, его предвидение последствий эксперимента с «перестройкой».

Странный рыцарь ушедшей эпохи

Александр Файн «Прости, мое красно солнышко».
М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009

Книга Александра Файна «Прости, мое красно солнышко» содержит две повести: «Мальчики с Колымы» и «Прости, мое красно солнышко», а также два рассказа: «Чистая душа» и «Дуська». Честно говоря, аннотация к книге меня не порадовала, и если бы я не догадалась полистать книгу, то вряд ли села бы писать эту статью. А книга-то оказалась завораживающая! Мальчики с

Колымы, женщины с Колымы... Сколько разбитых и порушенных судеб, сколько чудовищных изломов!.. Жить или выживать, стучать или сесть самому, затаиться или выстоять? Можно ли судить за минутную слабость женщину или мужчину? Каждый из вас без греха? Кто первый бросит камень?..

Герои Файна, люди трагических судеб страшных 37-х годов, искалеченные морально и физически жертвы лагерей и ссылок, кинутые в жертвенный зев во имя мировой революции и грядущего торжества коммунизма. Какой ценой воздвиглась социалистическая империя? Чем за нее было заплачено? Уж не одной слезинкой ребенка... и не двумя...

Прежде всего проза Александра Файна привлекает тем, что он не стремится подражать известным мастерам прозы, а имеет свой писательский стиль, полный искренности и простоты. Глоток первозданной свежести среди литературских произведений, полных амбиций, – это замечательно, ведь именно в этой свежести и чувствуется настоящий масштаб личности, неважно, говорим ли мы о «Мальчиках с Колымы» или о «Прости, мое красно солнышко». Кстати, вторая повесть по силе восприятия ничуть не уступает первой. Отношения между мужчиной и женщиной, судьба того, кто долго выбирал, и той, которая осмелилась любить, не взирая ни на что... Почему? Почему мужчина зачастую боится сделать шаг, рискуя потерять единственную и самую главную любовь своей жизни?

Я проживаю эту книгу вместе с автором и понимаю, что в нем, Александре Файне, есть негибимый стальной стержень и чуткая ранимая душа, а еще... некий рыцарский кодекс, усвоенный в детстве, кодекс настоящего мужчины.

Современная литература, да и драматургия пожалуй тоже, облюбовали стиль антропофобной брезгливости

к человечеству. Вывернуть, выпотрошить маленького чеы ловечка и с легкостью выкинуть его на помойку как несоы ответствующего естественному отбору – вот фирменный стиль многих. Как говорится: ура! Они именуют себя элиы той, посещают модные тусовки или декадентские салоны и рассуждают о гламуре и количестве заработанных у. е. В теории новой классовой (а скорее, кассовой) борьбы книга Александра Файна обречена на неуспех. Там нет философских размышлений и абстракционистских пуы тешествий души в поисках гармонии во время полового акта (например), нет загадочных драм меж пошлейшего стриптиза души и тела... Скромность и деликатность ныны че не в чести, господа, не вкусно...

Куда уж автору угнаться за героями мыльных опер или иронических детективов, или даже за столпами совреы менной интеллектуальной литературы! Слишком прост. Даыс Ничего не поделаешь. Впрочем, каждой книге свое место и свой читатель.

На самом деле нужно понять одно: социалистическая Россия все же не была исключительно империей доносов и предательств, неотступного страха, лжи и доносов, там были люди чистые, сильные, самоотверженные, болею щие за свою Россию и ее судьбу. Не пытайтесь обвинить меня в выпренности, ее нет и в помине, а впрочем, у нас, господа, демократия, и соответственно, имею полное право на выражение своих мыслей вслух или письменно. Когда я слышу, как кричат про социалистическую гниль и вырождение, мне хочется поморщиться – окидывая взгляы дом нынешнюю действительность и втягивая носом возы дух... В общем, вы понимаете...

Отыскивая необходимую точку опоры в современном мире, воспитывая ребенка, я подбираю себе и дочери книги, которые, как кирпичики, ложатся в систему познаы ния и формирования личности. Книгу Александра Файна, в отличие от многих, я оставляю на полке.

Страшные сказки для президента

Валерий Казаков «Холопы». Роман-дурь. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009

Валерий Казаков – автор весьма примечательный для нашей современной литературы прежде всего тем, что с 1996 года находится на госслужбе: Совет Безопасности РФ, Администрация Президента РФ – это лишь малая толика, далеко не очерчивающая всего круга занятий загадочной фигуры этого писателя. Секретарь правления Союза писателей России, член Союза журналистов – чем больше узнаешь информации, тем меньше ты понимаешь, как эти вещи сочетаются в одном человеке, достаточно сильно и гармонично сплетаясь и создавая образ мужественного и одновременно интеллектуально образованного человека. Думаю, стоит упомянуть, что кроме писательства и чиновничьей работы Казаков взвалил на себя еще часть дел по работе международного ПеныЦентра после безвременной смерти его директора Александра Ткаченко в декабре 2007 года.

Читателям Казаков уже известен по роману «Тень гобы лина», вышедшему в 2008 году в издательстве «Вагриус», а также по книгам «Прогнутые небеса», «Асфальт и тени», «Записки колониального чиновника», «Сон в бессонницу», книге публицистики «Разбитое сердце Карабаха» и поэтическому сборнику «Философия звука».

Неудивительно, что человек, находящийся на госслужбе, задумывается о путях развития нашей страны, о том, что ждет ее лет через пятьдесят, к примеру. «Холопы» – своего рода роман-предупреждение, сатира на современную политическую действительность, и сатира едкая. В Сибруссии, одном из трех оставшихся в мире

государств, правит Президент Император, Преемник Шестой. В этом государстве весьма узнаваемые нравы и крепостнические порядки сливаются в одну страшную картину лихого чиновничьего произвола, действующего заодно с бандитами и пиходеями, «прячущимися» в лесах.

Образы, списанные с современной действительности, до боли похожи на тексты Салтыкова-Щедрина с его сказками, страшными сказками, рассказанными на ночь. Только вот жаль, что, скорее всего, не читают нашим преэзидентам подобных сказок их жены, пресс-секретари, нянюшки... А стоило бы... Гротеск Казакова только на первый взгляд кажется преувеличенным. Постепенно, шаг за шагом проникая в ткань романа, мы с ужасом узнаем современную действительность и начинаем соображать, что именно мы и преображаемся потихоньку в так называемых холопов.

Несмотря на то что сам автор определил этот роман как роман-дурь, многое в нем наводит на серьезные размышления. Сосуществование личности и социума порождает порой чудовищные симбиозы, страшные в своем простодушном насилии и ощущении незыблемой правды. Привычные тезисы о несправедливом устройстве общества коренятся прежде всего в том, что некоторые души тянутся к холопству, лизоблюдству и лицедейству. Оно становится практически органичным и оттого еще более страшным. Загляните в себя, прежде чем сетовать на гнет властей и мироустройство, перестаньте разводить руками, печально констатируя: «Мы маленькие люди, что же мы можем?», потому что именно тогда и только тогда возможно изменить направление хода государственного аппарата, ползущего напрямик в Сибруссию 2057 года.

АКТуальные тексты Валерия Мишина

Валерий Мишин «Улитка ползет по склону».
Стихи. – СПб.: АКТ, 2007. – 64 с.

Попалась мне на глаза любопытная книжечка «Улитка ползет по склону» Валерия Мишина, «Собрание АКТуальных текстов», 2007 год, СанктПетербург. И эта книжечка натолкнула меня на некие размышления, коими я, собственно, и хочу с вами поделиться.

Что такое поэзия? Ни для кого не секрет, что кроме силлабытонической системы стихосложения существуют также верлибр и много различных вариаций авангардной, футуристической поэзии, на сегодняшний день весьма и весьма распространенной. Не могу сказать, что являюсь ярым поклонником подобных жанров, но стремлюсь не отвергать огульно такие тексты, а понять, что же за ними скрывается. Философские размышления о жизни? Стремление к эпатажности? Поиск новых путей и форм в поэзии для наилучшего выражения смысла, ощущений, познания мира?

Книга Мишина вызвала у меня стремление разобраться в этом, поскольку наряду с текстами, которые я не приемлю в силу их излишней эпатажности, бесстыдной обнаженности и, на мой взгляд, порой и пошлости, есть там какое-то цельное и чистое зерно, которое хочется очистить от плевел.

Валерий Мишин явно человек думающий, созерцательный, наделенный талантом и некоей прозорливостью, отличающей истинного поэта от графомана, хотя его «улиточный сюрреализм» может воспринять не каждый. Но, словно песок в стеклянной колбе часов, пересыпаются, перекатываются слова, добавляя их песчинка за

песчинкой, и вырастает песчаный замок стихотворения. Я не зря привела именно это сравнение, потому что, как жетса, подует ветер, унесет одну строчку – и весь смысл разрушится, исчезнет и останется нечто невразумительное. Сложно в такой ситуации приводить отдельные четверостишия в качестве примера, хотя кое-где и возможно. Человек начитанный, интеллектуальный, живущий в мире искусства, что видно по его строкам, Мишин, тем не менее, использует грубоватые приемы привлечения внимания публики:

беру твой указательный палец
И ногтем удаляю грязь
Изыгод ногтя моего указательного пальца

поди знай
Что лучше
Понос или авитаминоз

Сосед сверху протек в третий раз
У него это вроде месячных

Я понимаю иронию автора на современную действительность, но все же такой способ изображения реальности в поэзии мне глубоко чужд, и это не ханжество, отнюдь – это мое стремление к прекрасному мешает мне, я не хочу писать мир подобными красками. Раньше поэтам служила муза – я боюсь и подумать, какой внешний облик сегодня у этой богини... Представьте его сами.

Тем не менее вот стихотворение, посвященное Геннаидию Айги, совершенно великолепное, умное, тонкое:

Опять захотелось
Осторожно
Краешком глаза
Выглянуть из подмышки слона

Прилетела птичка
Устроилась на ветке
Увидела меня
Зрачок в зрачок
И испугалась

Слон как бы не в счет
Страшно от нацеленного
И такого же испуганного взгляда

Жалко птичку
Совсем маленькая
Боязливая
Чем ей помочь

А кто поможет мне

Вдруг представил себя птенцом

Прилетела птичка
Принесла что-то в клюве

– ешь дорогой
Не кричи
Я рядом

Закрыв глаза и почувствовал
Что вываливаюсь из гнезда
Спохватился и полетел

Полетел

Ощущение мира, ощущение себя малым сим, прозоры ливое ощущение, что в слабости есть сила, – свежесть и чистота восприятия весенним дождем льется на сердце. Интересны также стихотворения «Облако спустилось вниз», «А далее была любовь», «Прежде предпочитал ходить перпендикулярно горизонту», «Выброшенные через забор старые рваные штаны» и др. Противоречивость текстов, словно на весах вечности, – от прозрений до пошлости, в коей прозренийьго, собственно, не меньше... Разгадка очевидно в том, что это собрание АКТуальных текстов, где актуальность несколько отходит на второй план, выдвигая АКТ на первый. Насколько это продуктивно, целесообразно и даже коммуникабельно – решать читателю, сегодняшнему ли, завтрашнему... Я лишь выисказываю сугубо индивидуальную точку зрения, и мне неумного жаль того, что поверни, казалось бы, еще чутьнуть грань стихотворения – и оно бы заблестело другим блеском, засияло другим знанием, другой ипостасью. Ну, нет так нет, на все воля творца.

Время поэта

Виталий Амурский «Tempora mea». Франкфурт-на-Майне. Литературный европеец, 2007 г.

Новая книга Виталия Амурского «Tempora mea», вышедшая в серии библиотеки журнала «Литературный европеец», пронизана тонкими нитями философских раздумий: о покинутой им родине, о поэзии, литературе в целом, об искусстве, об отношении к миру и взаимоотношениях с миром, о душе, о чьемто тайном, нашептанном в ночи неумолкающей музы.

Где-то печальные строки полны воспоминаний и тоски по России:

Потемневшие вывески:
 «Парикмахер», «Портной»...
 Полетать бы над Витебском,
 Как Шагал молодой.
 В мягкой вате тумана
 На вечерней заре
 У стогов Левитана
 Полежать на траве.

В тесной кухне московской,
 Под сухое вино,
 Поболтать о Тарковском
 И о польском кино.

Это уходящая эпоха могикан манит к себе своей вееличественностью и силой, разворачивая плечи в узком пространстве московских кухонь и коридорах памяти, заставляя и самому себе выставлять собственный счет, оцеинивать жизнь и выбранную дорогу:

Пока еще не пробил час финальный,
 Учись ценить, что даровал нам Бог:
 Провал небес и избранность дорог,
 И суету квартиры коммунальной.

Потрясающе искренни и виртуозно безыскусны строики Виталия Амурского, рисующего осень. Создается ощущение прозрачности, одухотворенности, визуальности художественного мазка мастера, который пишет свою неповторимую, не похожую на другие яблочную осень:

Золотистая, с легкой охрой,
 С белым инеем по утрам за окнами,

С ветерком, обнажающим деревьев кроны,
 С туманами, дождиками или без оных.
 Кислофадкая. Яблочная. Печальная.
 С пирогами вчерашними да грузинским чаем,
 С лужами, на которых ледок хрупок,
 С дымками над крышами, как у стариков из трубок...

Льетса и льетса искусная вязь слов, увлекая за собой
 в патриархальноимпрессионистскую чувственную осень
 прошлого, такую сказочную и недосягаемо прекрасную.

Размышления о природе сменяются наблюдениями за
 человеческой душой, практически за тождественностью
 человека и природы, схожестью их нравов:

В душе, как в храме, легкий мрак стоит.
 Такой же, впрочем, как стоит снаружи,
 Где через парк подвыпивший старик
 Бредет, не замечая грязь и лужи.

И прорывается крик души, ностальгия по родине русы
 ского поэта, который, и живя в Париже, одном из самых
 красивых и лиричных городов мира, плачет откровенными
 словами, роняя драгоценные слезы полузабытых видений:

И грустное, и смешное не возвращается заново,
 А нынче над Парижем то звезды осыпаются,
   как известка,
 То чтобыобормочет дождь губами Губанова,
 То из времен иных Поплавский маячит
   в венце из воска...

В строках поэта слышится русское наследие многих
 мастеров слова ушедших веков. При этом Амурский обы

ладает исключительной силой собственного неповторимого стиля, хотя за его глубиной и исключительным даром мелькают тени Аполлона Григорьева, Иннокентия Анненского и многих других. Но многогранность и творческая неуемность заставляют поэта идти дальше, создавая философские граффити, наполненные потоком сознания и потрясающей графикой пророческих сновоткровений:

Страна глухонемых. Тетрадка в клетку.
 Стихов – признаний – ряд. Нелепы сны.
 Поставь в бутылку обломанную ветку.
 Быть может, лепестки увидишь до весны.

Полынногорьки обнажающие скорбь строки Виталия Амурского, посвященные памяти поэта-авангардиста Геннадия Айги:

Помотался по миру русской речи виртуозь-верчок.
 Из Московии в путь последний собрался домой –
 Нынче всем молчок,
 Шапки долой.

Поэзия Амурского – это сама жизнь во всей ее многогранности и многоликости, оркестровом звучании и соло. Горькая, вымученная, рожденная с болью и любовью к этому миру во всех его, порой неприглядных, проявлениях. Это время звучания слов, доносящихся через расстояния, как полет звука и света в космическом пространстве, летящих к этой земле. Авось долетят. Будут увидены. Услышаны. Поняты. Прочувствованы. Пока у поэта хватает «веры в слово, как в чудо».

ПЫШУ СТЕХИ, или Блаженны нищие словом...

*Владислав Дорофеев «Вечерник». Авторский сборник.
СПб.: Коло, 2007.*

Звонит мне тут на днях главный редактор и говорит:

- Ира, мне нужна рецензия на книгу стихов в следующий номер журнала.
- Без проблем, – отвечаю, – схожу в магазин, куплю.

Заезжаю в один из крупнейших магазинов «Москва», и в мои руки попадает книга Владислава Дорофеева «Вечерник», выпущенная издательским домом «Коло» в 2007 году в Санкт-Петербурге. «Ну, ладно, пусть будет эта, – думаю, – какая разница, значит, судьба». В сведениях об авторе написано, что он поэт, писатель, журналист, работал главным редактором и директором ряда СМИ. Согласитесь, это о чем-то говорит и предполагает, что автор – человек достаточно культурный, талантливый, интересный.

По дороге домой листаю книгу, пытаюсь вчитываться в строки и прихожу в ужас. Предисловие, написанное лично автором, с самого начала запутывает своей псевдорелигиозностью и обилием повторяющихся слов, хаотичностью мыслей и перескакиванием с одного предмета на другой, а также чрезмерной пафосностью и многословием. Вот, например: «Поэзия – высшее из искусств, по одной простой причине, образ – это всегда азарт истины и ближние подступы к мировым законам... в основе поэзии – библейский язык небесного откровения, которое дается только людям крайне, предельно жертвенным,

коими всегда были пророки, а в православной классификации – святые, преподобные отцы...» Мыда, господа, неужели уважаемый автор претендует на звание пророка, пиша духовные стихи? И к чему такие высокопарные слова о поэзии? Ну ладно, в конце концов, у каждого свои недостатки, как говорил один небезызвестный миллионер в фильме «В джазе только девушки». Оставим в покое предисловие с его выражениями «ратная брань на жизнь и смерть», «хаос и брэнность», «блаженны нищие духом» и т. п. и перейдем, наконец, к поэзии.

Первое же стихотворение приводит меня в ступор:

Монашеская песня (рапсодия)

Туман опустился ранний –
Тревожно, как никогда,
Холодно мне, и, израненного,
Тянет меня со двора,

Стелется тонкое марево –
Тенью полощется крест,
Золото лунное валится –
Валится к нам с небес,

Звери безликие тянутся –
Тянутся стаями вслед,
Круг совершен без жалости –
Грех превращается в бред.

Вот уж действительно, прости Господи, бред. Ну, начынем с того, что вряд ли израненного человека будет тянуть со двора, из дома, не пойми куда, ему бы в кроватку или на худой конец к врачу... И как может крест полоскаться? Это что – тряпочка? Вроде бы нет, гм. Какие звери, почеы

му безликие, куда тянутся, что за непреходящий кошмар? Это что, ночь перед Рождеством? И почему грех превращается в бред? Судя по всему, контакт автора с реальным миром весьма и весьма затруднен, раз у него так все... непросто... Читая дальше, понимаешь, что не только со смыслом и восприятием бытия – с рифмами автор тоже не особо дружен, а иногда их попросту не существует: «никогдайдвора», «маревоввалитса», «крестьнебес», «тянутсыжалости», «снацдня», «нежной иьнадеждой», «душашывеча», «грозьввезд» и т. п.

Смущают меня также строки: «Стебли икон безвозы вратно в тело мое прорастут», «Бьется в могильной раме сердце Угодника Николая», «Под невидимой луной пахы нет потом и мочой», «Отказавшись от отцов, никогда не видел снов, – гадкий маленький горбун, импотент и подылый лгун», «Под брутальною звездой мой народ рожден лихой», «Все святые хороши – ты уж с ними не грехи», ну и т. д. Короче, что ни строка, то перл... да еще какой!

Я понимаю, господа, что вы уже корчитесь от хохота, но тут есть одна проблема. Все это было бы очень смешно, когда бы не было так грустно. Книга продается в одном из центральных книжных магазинов города Москвы, и купить ее может любой покупатель. Цена вроде невысокая – 120 рублей, хотя для кого как, материальные средства у всех разные. Но если вы подаете нищему в метро 10 рублей, то это не значит, что вы готовы выбросить 120 рублей в помойку, а кроме как туда ее определить некуда. Подарить для хохмы Андрею Дементьеву на Новый год? Можно конечно, но он таких графоманов, думаю, пачками уже читал и рыдал над великим и могучим русским словом, исы используемым таким образом.

Проблема графомании и цензуры, на мой взгляд, ставится на сегодняшний день в нашем обществе весьма актуальной. Нельзя же, в самом деле, позволять печататься всем кому не лень подобные вирши, да еще и продавать

их так, чтобы любой мог купить подобного плана продукцию. А что если представить себе, что такую книгу купит какой-нибудь известный западный критик или, не дай Бог, она переживет века, и потом по этой книге потомки будут судить о качестве литературного процесса в начале XXI века? Поверьте, это ужасно. Я вовсе не сторонник тоталитарного государства и полной подконтрольности печатных изданий правительству, но можно же хотя бы проверять авторов на какое-то психическое здоровье или обязать директоров книжных магазинов отслеживать подобного плана макулатуру? Ладно, коммерческое издательство книг не налагает на издательство никаких ограничений, рынок понятное дело, «загреб бабло» и хорошо... Но неужели надо вот так, когда «блаженны нищие духом», а кроме того еще и словом? Тут уже даже не идет речи о поэзии... и, знаете, мне, пожалуй, не смешно, мне очень страшно и больно.

Война двух миров на солнечной стороне улицы

Дина Рубина «На солнечной стороне улицы». М.: ЭКС-МО; 2007.

Книга Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» вошла в шорт-лист премии «Большая книга». Это уже обеспечивает читателю надежду и дает какой-то гарант того, что читать это стоит. И действительно, Дина Рубина довольно высоко подняла планку, шагнув на какой-то качественно новый уровень, уровень интуитивный, чувственный, смакующий воспоминания в закоулках своей памяти. Ее ругают за эту книгу и хвалят. Кто-то считает сюжетную

линию слабой и непродуманной «слезовыжималкой», насквозь фальшивой, особенно потому, что хэппиэнд с миллионером Леней не вписывается в этот роман, совсем отличный от обыкновенных лавьстори, так же как и мать – глава местной наркомафии. Но это все неважно. Суть в другом. Роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» не об этом – он о городе детства – Ташкенте. О том воздухе, которым дышал автор, атмосфере, которую больше никогда не вернуть, о той ностальгии, что выросший человек испытывает, желая вернуться туда, в свое детство, на солнечную сторону воспоминаний, чтобы еще раз вкусить тех плодов, горьковатых и терпких плодов памяти.

«Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью как пейзаж – дождевыми каплями на стекле. Не помню названия улиц. Впрочем, их все равно переименовали. И не люблю, никогда не любила глинобитных этих заборов, саманных переулков Старого города, ханского великолепия новых мраморных дворцов, имперского размаха проспектов. Моя юность проплутала этими переулками, просвистела этими проспектами и – сгинула. Иногда во сне, оказавшись на смутно знакомом перекрестке и тоскливо догадываясь о моем стонахождении, я тщетно пытаюсь припомнить доу рогу к рынку, где ждет меня спасение от позора. Я не помню лиц соучеников, и когда где-нибудь, в Саны Франциско или Ганновере, в зале ко мне подходит некий незнакомый и, улыбаясь слишком ровной, слышимой белозубой улыбкой, говорит: – вспомнишка школы Успенского, – я не помню, не помню, не помню! ... Тогда почему все чаще, возвращаясь из Хайфы или Ашкелона домой, поднимаясь в свой иерусалимский автобус и рассеянно вруя водителю мятую двадцатку, я глухо говорю: – «...в Ташкент»...?»

Ташкент – южный город со своей неповторимой аты мосферой, живой и колоритной, необыкновенно яркой, более свободной, чем в других городах в то время. Ташкент – город художников, воров, наркоманов, бандитов, еврейских бабушек и диссидентов... Многоликий, многи национальный...

Дина Рубина своим романом пытается оживить этот город, сейчас, увы, изменившийся до неузнаваемости, и надо сказать, что это ей великолепно удается. Описание улиц, базаров, характеров, самого колорита эпохи велии колепны настолько, что хочется по капле цедить эти вос поминания как драгоценное вино. Но это еще не все. При всей лихости и закрученности сюжета с его убийствами, смертями, ненавистью и любовью – это все живое, дышаш цее, не похожее на сериалы мыльных опер, хотя бы поы тому, что в конце романа героиня находит в своей душе сострадание к матери, человеку, причинившему ей очень много зла. Она возвращается и прощает ее, а та словы но ждет ее, не может умереть, не попрощавшись, не поы няв, что ее простили. Искалеченные войной судьбы – это остропряное осознание не только греховности человека, но и необходимости прощения, умения смотреть внутрь, вглубь, в душу самого бытия.

Война двух миров – вот составляющие романа Дины Рубиной. Это война и мир, война матери и дочери, война Кати с окружающим миром за место под солнцем, войны на... война... война... Война с воспоминаниями, с горы дом, который есть, вместо того, что был...

Описания Рубиной, ее слепки эпохи, словно своеи образные открытки цвета сепии, драгоценные, состарены ные. Не зря тема открыток и картиньвоспоминаний проы ходит через весь роман. Это то, что осталось: мгновены ные вспышки, еле уловимые, едва прочувствованные...

Протяженность и объем, воздушность и прозрач ность – так можно охарактеризовать эту книгу. И совсем

не важно, какие сюжетные линии где пересекаются и что многие пласты были заложены в прежних книгах Рубиной, и использован ее любимый прием – игра в автора и героя, alter ego друг друга. Важно другое, что книга эта состоялась, что она чувственна и роскошна, что неубузданный солнечный кентавр детства будет нестись по страницам книги, заражая читателей мечтой о Ташкенте, помогая всколыхнуть в своих уголках памяти драгоценные капли эликсира времени. Похищенная страна детства, похищенная войной и невзгодами, становление творческой личности художника в эту сложную эпоху, семья, которой не было, все те перипетии, мучения, душевная и физическая боль, через которую придется пройти, здесь удивительно перекликаются с книгой Эдуарда Кочергина «Ангелова кукла». Абсолютно разные, они объединены одной точкой отсчета – жизнью художника в послевоенное время, становлением личности в тех условиях, когда это просто невозможно. Неисповедимы пути господни... Но Господь бережет пьяных, блаженных и художников, потому что без них этот мир невозможен. Почему? Попробуйте найти ответ сами.

Портрет современника глазами поэта

Евгений Степанов «Портрет». М.: Вест-Консалтинг, 2006.

Есть категория людей, чье необъяснимое желание поныть, прочувствовать и пережить прочитанное, пропустив через себя все невзгоды, лишения или, наоборот, прожить минуты счастья и любви, ниспосланные автору и лиы

рическому герою вместе, связано не столько с какими-то определенными установками, сколько со свойством характера.

Я отношу себя именно к таким людям. Поэтому ничего удивительного не было в том, что именно так была прочитана прошедшая сквозь меня, иначе не скажешь, книга стихов Евгения Степанова под ставшим для меня знакомым названием «Портрет».

Сборник включает в себя стихи, написанные за долгий период времени – самое раннее датировано 1981 годом, позднее – 2006ым. Книга объемна. Объемна во времени и пространстве. Слишком противоречиво и беспокойно было время, в которое писались эти стихи, слишком обширно было пространство, вместившее в себя два континента, как два полюса, внутри которых парила в то время мятущаяся душа Евгения Степанова.

Поэтому совершенно не случайно все стихи в сборнике имеют точную дату своего рождения – время в книге занимает важное место, хотя расположены стихи в книге не в хронологическом порядке. Это позволяет, пусть даже насильственно (в конкретном моем случае), не отождествлять автора с лирическим героем. И наоборот. И все же, все же – невольно, произвольно и, может быть, совершенно неожиданно за портретом героя или героев, созданных пером Евгения Степанова, появляется... нет, не он, вернее, НЕ ТОЛЬКО он, Евгений Степанов. Перед нами за время прочтения книги встает образ современника, МОЕГО современника, а иногда между строк я невольно узнавала судьбу, похожую на мою собственную.

Безусловно, путешествовать во времени и пространстве вместе с автором и его героем по местам, где ему не только были навеяны те или иные строки стихотворений, но где ему приходилось жить и страдать, пусть это был даже САМ Париж, или САМ Нью-Йорк, и не проводить

аналогий не только со своей собственной судьбой, но и с судьбой многих своих друзей и знакомых – я не могла. И не просто потому, что кому-то ещё, кроме Евгения Степанова, было также одиноко в Париже, а просто потому, что каждому из нас, уехавшему в это самое время из гойлодной и безумной России, будучи полным сил и желаний совершить в этой жизни что-нибудь героическое на благо любимой Родины, было одиноко в своем отдельно взятом Париже или отдельно взятом НьюЙорке:

Одиночество

– В Париже зимуешь?
 Поди же.
 Хорошее, значит, житье.
 Кого же ты встретил в Париже?
 – Я встретил себя самое.
 И стала острее, чем пиранья,
 Садистская пика стыда.
 Нет, лучше бы, лучше бы, право,
 Себя не встречать никогда.

1997

Согласитесь: мало кто из уехавших за границу в поисках нового счастья и новой Родины мог откровенно признать друзьям (не говоря уже о выворачивании души наизнанку в стихах) о том, кем и, главное, КАК он существует в казавшемся ранее безоблачном, заоблачном заграничном рае. Вот такой меблированный номер рисует нам Евгений Степанов:

Тараканов красных полчище
 Наступает, входит в раж.

Бар внизу гудит, грохочуще,
Наверху – арабылкаш.

1997

А вот откровение, которое как ножом по сердцу режет
душу каждому, побывавшему в незавидной роли эмигранта:

Резким движением, резким
Я поменял маршрут.
С кем пообщаться? Не с кем.
Не с кем общаться тут.

1997, ул. Бургон

И, тем не менее, не очерствела душа, не ожесточилась, хотя пелена спала и последние иллюзии растаяли вместе с предрассветным парижским туманом. Но теплотой и любовью пропитаны строки, посвященные городу, который все же приютил и не дал согнуться. Дал возможность выжить, чтобы вернуться. Вернуться обратно. На Родину.

Два стихотворения

1.

Неужто я мечтал о том,
Что мне отныне так знакомо?
Париж – «рг»ьевский фантом.
Я больше не фанат фантома.

Но видит Бог – любви калитка
Распахнута – люблю Париж.

Не тот, который на открытках,
А тот, который в сердце лишь.

2.

Люблю Париж трущоб родимых,
Мощеных, замкнутых дворов.
Как ни пижонь, как ни хули их,
А мне они дарили кров.

1998

Родившиеся в России во время «хрущевской» оттепели, мы вобрали в себя дух свободы, открытости и... романтизма. За «прожитые» во время чтения «Портрета» вместе с героем без малого 15 лет, я смогла проследить метаморфозы, произошедшие с ним за это время, и убедиться в том, что ни время, ни пространство, ни материальное положение не властны ни над ним, ни над нами: мы остались все такими же – честными, беспристрастными и сами мокрыми.

Такими мы были:

Не льстился на елей – любовью.
Не верил ничьему злословью.
Я был распят – самим собой.
Своим грехом. Своей любовью.

1995

Такими мы стали:

Хищный взгляд и пасть бульдожья
И деньжонок до...

Неужели это рожа
Отражается моя
Фабрикантик фабрикантик
Много дел и много тел

А талантик а талантик
Точно фантик улелел

2005

Или, вот ещё одно стихотворение, написанное, всмо-
тритесь, ~~в~~мью годами раньше. Но всё также честно, пряя
молинейно и бескомпромиссно. Адресует их автор не
комуныбудь – самому себе:

Почести, счета, просчеты, счета.
Жалкая лажа – земная тщета.
Сколько до финиша? Сущяя малость.
Главное – чтобы осталась чиста
Совесьть – да вот не осталась.

1997

Согласитесь, нелицеприятный получается портрет. И,
увы... узнаваемый. Портрет нашего поколения.

Так кто же мы – неудачники?! Разуверившиеся в суще-
ствующем миропорядке, доживающие свой век отшель-
никами последние романтики?!

письмо себе – по интернету
и телефон – в субботней спячке
и другарей надежней нету
чем верные друзьяблячки
и ходишь бледный точно творог
по золотой квартирной клетке
и знаешь что когда за сорок
то развлеченья слишком редки

а все же плакаться негоже
а почему да потому же
и рано жизнь еще итожить
и раны быть могли похуже.

2006

Или... достигшие материального благосостояния и занявшие хорошо оплачиваемые должности, но так и не сумевшие найти места мятущейся в своем одиночестве душе ни на карте мира, ни в окружающей нас действительности?

Машина офис секретарши
Клиенты брэнды very well
Я стал и денежней и старше
Но кажется не поумнел.

2005

Нет нужды говорить о том, что кризис среднего возы раста – это еще одна (для многих, увы, первая) отправная точка для переосмысления собственной прожитой жизни и попытки понять истинное свое предназначение. В такие периоды зеркало – последнее место, куда хочется

смотреть. Ведь именно там, в зеркале, и нигде больше, есть стопроцентная вероятность увидеть истинного себя. Вот такое волшебное зеркало удалось создать Евгению Степанову – без прикрас, без ретуши и самолюбования, преломив через свою собственную судьбу, создать поры трет целого поколения, юность и молодость свои встретившего таким образом:

Эскалатор. Печаль

Городской народ
По делам спешит.
Ктоитовверх идет.
Ктоитовниз бежит.
Ктоитоувидал
Два зрачка родных.
Больше никогда
Не увидит их.

1987

А зрелость свою, незаметно переходящую в старость, принять в свои объятия безропотно и безапелляционно так:

Дружить по телефону
Любить по мылу
И в общем потихоньку
Сходить в могилу.

2003

Почему так грустно и безысходно? Ведь было же в сеи
редине пути что-то? Безусловно, было. Хотя бы – вот это:

Я был – как бес – богат вполне.
Я был – как бомж – на самом дне.
Но огненный незримый столп
Не затухал ни дня во мне.

1995

Так куда же он делся – этот незримый столп? Что поы
зволило ему затухнуть? Или КТО посмел его затушить?
Помните, я упоминала зеркало, последнее наше пристаи
нище? Если не побойтесь заглянуть в него поутру, уверяю
вас, вы найдете ответ на этот вопрос ТАМ.

Поэтому так искренне больно звучит «Главное стиы
хотворение автора», рефреном ни много ни мало, в
количестве 10 раз повторяющее с новой строки однои
единственное слово: ПРОСТИТЕ.

«Что такое хорошо, и что такое плохо?», или Негламурный Степанов

Евгений Степанов «Застой. Перестройка. Отстой».
М.: Вест-Консалтинг, 2009.

Изданный не слишком большим на сегодняшний день
тиражом в 1000 экземпляров, роман Евгения Степанова
«Застой. Перестройка. Отстой» сразу привлекает читателы
своей искренностью. Там нет выпренности и претены
циозной туманности, которую так любят напускать в свои

произведения современные авторы, да там еще много чего «не»... Доискаться до истин можно обычным и таким сложным путем – не врать, и Степанову это удастся. Его герой Евгений Викторович Жарков, фигура в некотором роде автобиографическая, без ложной стыдливости расказывает о том, что он и взятки брал, и откаты, работая в одной весьма примечательной фирме «Страхуй». Не мифы зантроп, а вполне обычный человек, со своими слабостями и недостатками, но и со своими достоинствами.

Роман Евгения Степанова вряд ли полюбит снобам и интертекстуалам, которые сочтут автора сильно опростившимся и на сегодняшний день не модным, не гламурным. А он и негламурен! Отнюдь. Он таков, как есть, и в этом его достоинство.

Через все повествование проходит одно из главных (и опятьтаки модных!) его достоинств: любовь к жене и дочери, такая трогательная, ранимая, человечная, что хочется непременно сказать о том, как важны эти чувства в потерявшем человеческий облик, жестоком мегаполисе.

В романе нет ненужных мелочей, а любые подмечаемые и любовно выписываемые детали – приметы своего времени, перестроечного, отстойного, непростого. Степанов – серьезный писатель, хотя шуток и искрометного юмора в романе предостаточно. Серьезный прежде всего тем, что стремится сохранить приметы времени для потомков, описать жизнь такой, какая она есть, без приукрашивания, охов и обильного слезотечения. Он не рассуждает о том, что хорошо и что плохо, не выдает ненужный сентенций и философствований, не пытается навязать читателю лирические философствования о смысле жизни и дальнейшем пути развития страны, в которой ему посчастливилось (ли?) родиться, он просто описывает то, что видит и переживает, испытывает на собственном опыте. Любая книга вызывает самое различное мнение о ней критиков – от восторгов до полного неприятия и анти-

патии. Это писательская судьба. Думаю, что этот роман нужно судить гораздо шире: не только исходя из его литературных достоинств, но и из того, что она в конечном итоге даст читателю. Уровень восприятия текста романа имеет несколько слоев, и слишком «снисходительный» читатель вполне может и не уловить потаенной улыбки автора.

Не слишком ли замахнулся автор, забрызжит дотошый ливый критик, описывая целых три эпохи российской действительности? Тут тебе и сценки из сельской жизни обыкновенного учителя, и психушка, а потом еще тюрьма, афганские изломы судеб, интриги рекламнополитической жизни и эмиграция... Чего столько понамышал?

«Да, вот жизнь такая получилась, – может просто разы вести руками автор. – Что уж тут поделаешь?» И будет абсолютно прав. Самое главное, что книга эта осмысленная, написанная не как горячий пирожок за месяц-другой, а выстраданная и прожитая.

В конечном итоге там нет ни поражений, ни побед, поскольку это значительно бы сузило ее ценность и цельность, придало бы ей некое фальшивое послевкусие, обычно остающееся после дешевого напитка. Но...

Но... Именно в том-то и заключается дар настоящего писателя и порядочного человека – дар писать искренне, просто делая каждый день то, что ты должен делать.

Евтушенко сегодня...

20 декабря 2005 года прошла встреча поэта Евтушенко со студентами Литературного института имени Горького в Москве. Актовый зал был полон. Люди стояли даже в проходах. Непрерывно сверкали вспышки фотоаппаратов, стараясь заснять жизнерадостную улыбку известы

ного поэта. Представила поэта известная поэтесса и руководитель творческого семинара поэзии в Литинституте Олеся Николаева. Евгений Александрович покорила всех своим жизнелюбием, простотой в общении и стремлением не покрасоваться на публике, а услышать стихи из уст молодого поколения, грядущего на смену таким титанам, как он сам и его коллеги по перу. Это стремление и отыказ от чтения своих произведений сразу расположили к нему, так же как и его улыбка, шутки и открытость. Тут же, в стенах Литинститута, состоялся своеобразный мастерский класс, преподанный поэтом будущим писателям. Четко и быстро указывал Евгений Александрович на недостатки того или иного стихотворения. Его профессиональная внимательность и цепкость тут же находили фальшь или ошибки, а замечания заставляли совершенно ясно и четко понять огрехи. По достоинству оценивал и хвалил он хорошие стихи, прося оставить их ему для внимательного чтения. Как жаль, что он не преподает в Литинституте! Его лекции собирали бы целые залы всегда, потому что такой высочайший профессионализм и умение объяснять очень видное – дело избранных, одаренных талантом Учителя, Мастера, Профессионала. Работоспособность и высокий темп жизни выдают в нем человека цельного, собранного, сосредоточенного на главном и поистине влюбленного в русскую литературу и в русское слово. Поэт работает сейчас над составлением великого труда – «Десяти веков русской поэзии», продолжая свой титанический труд. Уже неоднократно им составлялись различные антологии советской и русской поэзии, но удивительно чистая и восхищенная талантами русского родного народа душа поэта требует подарить миру то прекрасное, что было создано до него и в его время.

Несомненно, Евгений Александрович – человек огромной творческой энергии и потенциала, человек ищущийся, что привлекает к нему друзей, коллег и учеников

тателей. В его неповторимом артистизме и обаянии убеждали участники встречи, читая ему свои стихи, задавая вопросы, иногда даже провокационные. Позиция поэта четка, тверда и ясна: «У вас не должно быть чужих стихов. Все поэтики – это всё ваши инструменты в огромной мастерской». Поэт гневно говорит о том, что нельзя опускать руки, видя, как уничтожается литература циниками от словоблудия и анархии. «Мы имеем отношение ко всему, что случилось в нашей стране, чужого нет ни в одном поколении», и мы в ответе за это, все мы. Евтушенко призывает работать над собой, над словом, над мыслями, не халтурить, а точно и четко сознавать свою гражданскую позицию и то, что каждый человек живет в социуме и несет ответственность перед грядущими поколениями за состояние русской культуры, за сохранение традиций.

Не обошлось без разговора и о сериале «Сергей Есенин». Поэт осудил такую трактовку образа Есенина, сетуя на то, что мир увидит не реального Есенина, а, в первую очередь, пьяницу и дебошира.

После, уже в конце встречи Евгений Александрович согласился прочитать несколько своих новых стихов. Обсуждая с друзьями эту встречу, мы пришли к выводу, что она много дала нам в плане критики по отношению к себе, какой-то новой ясности сознания для дальнейшего творческого роста. В прессе и разговорах многих литераторов высказываются мнения о том, что Евтушенко конъюнктурщик и халтурщик, но личное общение с этим человеком сразу разрушает это навязанное извне представление о нем, так как такая позитивная энергия может происходить только от очень открытого, талантливого и благожелательного человека. Так что действительно лучше один раз увидеть и пообщаться, и понять, кого ты перед собой видишь, чем семь раз услышать и составить себе, может быть, в корне неверное мнение. Мы встретили Евытушенку по одежке: яркокрасной, стильной, свободной

и жизнерадостной, встретили с некой долей настороженности, но проводили его по уму – аплодисментами и прочтением перед настоящим Мастером.

Пророческие сны

Этот год (2006 г. – прим. авт.) для всемирно известного режиссера Романа Виктюка юбилейный. Впервые, режиссеру исполняется 70 лет, а во вторых, – десять лет первому частному театру, созданному Романом Виктюком в новой России. К своим юбилеям Роман Григорьевич не только восстанавливает своих знаменитых «Служанок», но и создает «Некоммерческую организацию Благотворительный фонд поддержки и развития творчества Романа Виктюка», который будет заниматься и просветительской деятельностью: организацией семинаров и мастер-классов при участии великого мастера и его труппы, а также художественных выставок, гастролей, фестивалей и конкурсов. Кроме этого поклонников его таланта ждут новые спектакли, в 2006 году на сцену выходят «Непостижимая женщина, живущая в нас, или Любовные игры» (Ханоха Левина), премьера которой состоялась в театре Моссовета, и «Масенькие супружеские преступления» (Запольской), которые ожидаются в конце октября на сцене МГАДМТ им. Натальи Сац.

Спектакль «Служанки» был поставлен в 1987 году на сцене театра «Сатирикон», показан уже более чем в 30 странах и принес Роману Виктюку всемирную известность и славу, временами скандальную. Единственное, что можно сказать с уверенностью, – равнодушных нет. Есть те, кто принимает позицию, философию, способы выражения и т. д. Романа Григорьевича, а есть те, кто отвергает подобное мировоззрение, причем отвергает

неистово, пугаясь той откровенной нетрадиционной сексуальности и эпатажности подаваемого блюда. Известный театральный мастер, возмутитель общественного спокойствия, экспериментатор Роман Виктюк в очередной раз доказывает нам, что возраст человека – это не главное, вся суть в твоей душе, в твоей интеллектуальной силе, в неисчерпаемости духовного поиска, который и составляет истинную жизненную искру. Человек жив и молод только тогда, когда он познает мир, и познает его через любовь. Режиссер уверен в изначальной андрогинной сущности человека, в нераздельном слиянии мужского и женского начал в едином организме, в том, что только взаимопроникновение этих начал и дает истинную гармонию и понимание мира и того космического, чего и жаждет человек. Он не стремится эпатировать публику, это не есть его цель, просто те средства, которые он применяет в спектаклях, противоречат той, привитой соц. гоу сударством морали, и что же делать, если именно так необходимо играть, чтобы нащупать те тонкие грани бытия, те философско-мистические линии, которые более всего похожи на прозрения... Надо доходить до юродства, до сумасшествия, чтобы дыхание жизни и смерти коснулось тебя в едином выдохе словом «Любовь».

Роман Григорьевич в различных своих интервью уже говорил о том, что ему снились пророческие сны, которые потом сбывались. Это не удивляет, потому что творческих людей подобные прозрения сопровождают постоянно. Замечательна и необыкновенна, пронзительно правдива история о том, как на репетиции в театре Леси Украинки на Украине приходили крысы и рассаживались в уголках, чтобы посмотреть на игру актеров, послушать музыку Моцарта к спектаклю. Несмотря на свою нынешнюю известность и благосостоятельность, Роман Григорьевич попрежнему остается открытым и душевным человеком. Одна из его учениц, режиссер Гульнара Галавинская, гоу

ворит о том, что этот удивительный человек относится к своим ученикам как к собственным детям, и ругая их и хваля, но никогда не унижая и не оскорбляя, именно поэты му ученики и боготворят своего Мастера, доверяют ему, восхищаются им, потому что он никогда их не предаст. Постановки Виктюка – яркие, постоянно удивляющие смелыми инновациями и неожиданными трактовками образов, вызывают бурные дискуссии и ожесточенные споры. Некоторые театральные критики боготворят Виктюка и превозносят его талант, другие ненавидят и обвиняют в бездарности, однако на протяжении многих лет переисполненные залы театров во время спектаклей этого скандального режиссера – лучшая рецензия на его постановки. Спектакли Виктюка – о любви в самых разных ее проявлениях, об одиночестве, о тайнах жизни и непостижимости бытия. Первые спектакли Виктюка шокировали: в них переодетые мужчины играли женские роли, открыто пропагандировалась однополая любовь, нарушались законы общепринятой морали. Характерные черты постановок Виктюка – разнообразие музыки и танца, изысканная пластика исполнителей, полубнаженные актеры, вызывающие костюмы и сцены на грани эпатажа. Однако вместе с тем многие критики отмечают, что Виктюк в своих спектаклях затрагивает серьезные философские вопросы, предлагает по-новому посмотреть на природу человеческих отношений, тонко проникает в суть произведений, на которых основаны его сценические работы.

Роман Виктюк – единственный из режиссеров иностранного происхождения, награжденный международной премией Института итальянской драмы за лучшее воплощение современной драматургии (1997 год). Он также является обладателем многих российских и зарубежных премий, которые вручаются за успехи в области театрального искусства. Роман Виктюк стал автором более 120 постановок, и с 1997 года Союз театральных

деятели Украины рекомендует его к присвоению ему звания народного артиста Украины. Среди особо известных спектаклей Виктюка – «Служанки» по мотивам прозы изведения Жана Жене, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Давай займемся сексом!» Валентина Красногорова, «Саломея» Оскара Уайльда и многие другие.

Эстетика Романа Виктюка проста и невероятно сложна одновременно. Наивная любовь и доверие к людям, незамечание зла и несгибаемая воля, ведущая по собственному пути, с которого не могут заставить свернуть ни ханжество, ни закоснелая мораль, ни что-либо другое. Свобода, но не навязывание своих принципов, интеллектуальное, порой даже детское любопытство и жажда познания, красота мира в искусстве жизни, чувственные провокации – магия искусства ритуалов и таинств Виктюка. Физиология и сексуальность неотделимы от духовности, так как это совокупность энергетики мира, составляющая единое целое, это то высшее и трансцендентное, что веками ищут монахи, философы, психологи и просто люди. Те, кто не боится откровений великого Мастера, приходят на его спектакли снова и снова, отдавая дань тому истинному и вечному, что выходит на сцену благодаря его гению, ну а те, кто боится посмотреть в свое «Я», будут по-прежнему отрицать все, что связано с именем Романа Виктюка, и это тоже их право и их путь. Я же хочу поздравить Романа Григорьевича с двумя юбилеями и пожелать ему и дальше жить так же ярко и полноценно, как сейчас, радовать своих почитателей новыми спектаклями, учеников – своей силой и духовным светом, и не иметь равнодушных.

Точка и линия на плоскости пролитого солнца

Андрей Коровин «Пролитое солнце»: Стихи. М.: Арт Хаус медиа, 2010

«Где-то Аннушка пролила масло, и в нее, как в солнечную лужу, смотрятся африканские слоны» – если бы меня спросили, о чем книга Андрея Коровина, я бы ответила примерно так: стихи его удивительны и метафизичны, полны любовью к мирозданию, ко всем его внешним деталям и внутренней сути. Ощущение некоей постмодернистской красоты, уникальности каждого мига творения, каждого мазка кистью на полотне мира – свойство текстов этого поэта:

Рыбы поют удивленной всех,
ибо всю жизнь молчат.
В выдохе этом – и боль, и смех.
Рыбы почти кричат.

Дар изображать радость и боль, стремление передать свои ощущения бытия, нахождение в этом мире, но нахождение словно в иной плоскости, ином пространстве, когда автор смотрит на вас из параллельного измерения, таятся в этих строках. В этом плане Андрея нельзя назвать горожанином современного мира даже находясь в Санкт-Петербурге, он идет параллельно своему времени и пространству:

на какую из линий Васильевского ни зайди
параллельно пространству время а ты весне

Коровина можно было бы назвать поэтом изысканным, ярким, но при всей пластичности его текста он может и нарочно снижать лексику словаря, играя с читателем и не давая ему определить, с чем тот столкнулся:

самое главное в женщине
это история ее души
не глаза или попа
не губы и грудь
а сколько тысяч ли
прошагала ее душа
для встречи с тобой

В некотором роде творчество Коровина напоминает мне работы Василия Кандинского. Не лишним будет вспомнить и о его исследовании глубинных основ художественного языка «Точка и линия на плоскости». Как и у Кандинского, плоскость Коровина многомерна и необъятна. Полифонична. Пытаться объяснить этого поэта совершенно не хочется, как и определять основную эстетику (и блабблабла...). Стоит только сказать, что Андрей Коровин пишет из щемящего чувства любви и скоротечности бытия, любясь тонкими паутинками видений, рвущимися, невесомыми, мгновенно растворяющимися в доли секунды:

только душа тоскует по облакам
по рыбакам и женам их во цвету
может быть повезет – приберут к рукам
и я на небе сказочно зацвету

Эта книга – одна из тех немногих поэтических сборников, которыми хочется наслаждаться неторопливо, не

спеша, смакуя их, словно одуванчиковое вино: прочитать стихотворение и поставить на полку, чтобы потом взять еще раз и еще... И в этом плане она уникальна и неповторима.

Записки простодушного человека

Сергей Костырко «Простодушное чтение».
М.: Время, 2010.

В последние годы понемногу начинают возрождаться книжные публикации известных критиков, которых читатель, по большей части, встречает все-таки на страницах «толстых» литературных журналов, таких как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и др. Это не может не радовать, поскольку интерес к таким сборникам, пусть и читателей узкого круга, очевиден. Сергей Костырко – многолетний обозреватель журнала «Новый мир», каждый день проделывает огромную работу, исследуя творчество современных писателей.

Признаваясь в своей простодушии и субъективной оценке происходящих в литературе процессов, Костырко, тем не менее, объективен более многих, поскольку к каждому тексту подходит по-новому, не пользуясь общепринятыми критериями и мерками. А это значит, что при этом он избегает общепринятых штампов и многочисленных табу. Общаясь с читателем доверительно, он находит именно ту манеру общения, которая и помогает разговаривать в том, какую книгу стоит выбрать для чтения.

Автор «Простодушного чтения» пишет о премиях, литературных хитах прошедших сезонов и писателях. Его внимания удостоились и прозаики, и поэты самых разных поколений: Марина Палей, Михаил Бутов, Лев Усыскин,

Борис Акунин, Захар Прилепин, Геннадий Калашников, Сергей Гандлевский, Вера Павлова, Владимир Маканин и др.

В конце книги – небольшой раздел, размышление о критике вчерашней и «сегодняшней». Костырко пишет о том, что спор – самый непродуктивный способ мышления, отвергая расхожее мнение о том, что «в споре рождается истина». Автор считает, что слишком много энергии уходит впустую и слишком разгоряченные люди на бегу не могут говорить о литературных понятиях и критериях – даже близости к правде там нет.

«Предмет разговора: роль критики сегодня». Какова она? Костырко приходит к мысли о том, что «на каждом этапе развития общества и литературы она, эта роль, разная». На примере статей Павла Басинского и Евгения Ермолина автор пытается разобраться во взаимоотношениях «между сегодняшней жизнью, сегодняшней литературой и сегодняшней критикой». Несмотря на довольно сильные полемические статьи, их авторы все же красуются перед читателем, демонстрируя «особое полевое щегольство», которое заключается «в игнорировании очевидного, много раз говоренного и давно не вызывающего возражений. Ну, например, в игнорировании неопровержимого факта, что среда обитания литературы изменилась и что литература, соответственно, меняет некоторые свои функции. Что в этом процессе есть обретения и потери. Что сказать «случилось страшное» или «свершилось замечательное» – ничего не сказать».

Думаю, что книга покажется интересной не только писателям и студентам литературных вузов, но и простым читателям, интересующимся современным литературным процессом.

Буфер, Пукер и Блугер

6 сентября в конференц-зале №4 павильона №57 состоялся круглый стол, посвященный литературным премиям «Литературная премия – компас в мире книжной продукции?»

На круглом столе (или за круглым столом), оказавшись, скорее, прямоугольным, присутствовали, дискутировали и пытались разобраться в происходящем на литературной арене, путаясь в названиях премий, следующие лица: главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Октябрь», член жюри нескольких литературных премий (например, Международного Волошинского литературного конкурса и драматургического конкурса «Действующие лица») Ирина Барметова, художественный руководитель и главный режиссер театра «Школа современной пьесы», член жюри конкурса «Действующие лица» Иосиф Райхельгауз, писатель и председатель «Новой Пушкинской премии» Андрей Битов, руководитель фонда СЭИП (социально-экономических и интеллектуальных программ) Сергей Филатов, ответственный секретарь журнала «Новый мир», председатель экспертного совета премии «Большая книга», прозаик и критик Михаил Бутов, руководитель проекта премии «Заветная мечта» Наталья Михайлюк Шугаева, ответственный секретарь премии «Дебют» Виталий Пуханов.

Собравшиеся на «круглый стол» долго недоумевали: о чем же, собственно, им разговаривать, пока дело не взяла в свои руки Ирина Барметова, которая в итоге и вела весь разговор, пытаясь склонить мэтров отечественной литературы к словоизлияниям и мозговому штурму. Потом начало штормить.

Пытаясь решить, совпадают ли нынче в России премии и модные писатели, заседатели единогласно решили этот вопрос – нет, не совпадают, и слава богу.

Андрей Битов философски заявил о том, что литературные премии выросли из спортивных состязаний, потом обмолвился, что все это сродни тому, как мужики в бане меряются... сами знаете чем, а поскольку у нас «Шемякин суд», то... короче, модным у нас быть немодно. Да здравствует интеллектуальная качественная литература с ее малотиражностью и элитностью. Оговариваясь и путая Букер, Буфер, Пукер и Блугер, заседатели пришли к выводу, что премии всякие нужны, премии всякие важны и пусть их будет больше – хороших и разных.

Михаил Бутов, моментально забыв, о чем спрашивала его Ирина Барметова, озадачился вопросом: сколько дают Бутовых за одного Битова, а также о возможном содержании байтов в обоих вышеназванных субъектах. Выяснив этот насущный вопрос, отважный Бутов заявил, что с точки зрения всеобъемлющего среза премии «Большая книга» эта премия претендует лишь на вершки, на штучный товар в литературе, а корешки, дескать, пусть и растут, там, где им самое место... Идея премии заключается в ее максимальной открытости для простого народа, т. е. обычного собрата-писателя. Ограничений по возрасту и национальной принадлежности не наблюдается, и, кроме того, можно предоставлять рукописи. Если же задуматься о сегодняшнем дне, то можно с уверенностью констатировать, что влияние премий становится все более заметным, поскольку многие книги выпускаются с заголовками «Номинант премии...», «Первый финалист премии...». Книги, сделанные на скорую руку, по шаблону, до шортылиста не добираются, а интересные новые авторы вполне могут рассчитывать на удачу. Так что шортылист дает практически полное представление о качестве сегодняшней литературы.

Разговорившись о премии «Поэт», Сергей Чупринин сказал, что у премии есть назначение – дать денег хой рошему человеку, и это неплохо. Жаль только, что если раньше, в советскую эпоху и 90ые годы XX века, литературу турное пространство клубилось и сгущалось вокруг «толы стых» литературных журналов, то сейчас журналы эту функцию утрачивают, поскольку молодые литераторы наы чинают «клубиться» около литературных премий.

Что ж, процесс естественный и закономерный, потому как всем хочется славы и денег, не так ли?

Вспоминая свою юность, Чупринин рассказал о встрече с одним из писателей в Переделкине. Мэтр отечественной литературы, грустно глядя на Сергея Ивановича, сказал: «Я не понимаю, почему вы идете в писатели? Вам же ничего это не дает! Вот когда я написал книгу и она получила Сталинскую премию второй степени, то чеы рез неделю после этого у меня была большая квартира на улице Горького, дача в Переделкино и жена, балерина Большого театра. А вы?»

После паузы, переждав взрыв здорового, но зависты ливого смеха окружающих, Чупринин весьма серьезно заявил, что поэзия сейчас у нас на подъеме, но она не продается. В смысле, что не покупает никто (она бы проы далась, коли б кто предложил).

Именно поэтому и возникла идея премии «Поэт». Чтоы бы помочь современным поэтам. Премию эту может поы лучить только очень известный поэт, имеющий заслуги перед литературой, а некто из Пензенской области моы жет на такой куш даже не рассчитывать. Конечно, ведь 50 тысяч долларов на дороге не валяются.

Возвратившись к теме молодых писателей, Ирина Барыметова спросила коллег: не порочно ли изначально искуы шать молодых премиями? Надо их приглашать в Москву, устраивать семинары с известными писателями и хорош... (в смысле, хорошего помаленьку).

Коллеги однозначно решить вопрос не смогли, наверно, потому, что премии молодых до 50 тысяч долларов все равно не дотягивают. Чего мелочиться. А писатели, коли им суждено, все равно пробьются сквозь искушения, а нет, так воздух чище будет.

Иосиф Райхельгауз, рассказывая о драматургическом конкурсе «Действующие лица», напомнил присутствующим о том, что этот конкурс беспристрастный, хотя бы по тому, что несколько лет назад семнадцатилетний Саша Демахин получил премию с пьесой «Бабий дом», которая на данный момент весьма успешно идет в театре. Так что рядом с известными драматургами и писателями, вроде Людмилы Улицкой, стоят и молодые авторы. (Хотя пьесы я смотрела, и она замечательная, но почему-то сразу всплывает в голове классическая фраза: «А был ли мальчик?») На вопрос о судьбе победивших пьес Райхельгауз ответил, что одну из пьес он обязательно ставит в своем театре и, как правило, пьеса, победоносно поставленная в Москве, в дальнейшем шествует по провинциям, по городам и весям.

Плавню перейдя к теме детской литературы, обратилась к премии «Заветная мечта». Руководитель проекта премии Наталья Михайлюк Шугаева, которую Ирина Барметова ласково называла Танечкой и Дашенькой, была очень озабочена длиной своих ресниц, а также похлопыванием ими по щекам и при том не забывала заискивающе улыбаться залу и сидящей рядом Барметовой. Танюша Наталья заявила, что премия «Заветная мечта» не ставит своей задачей наградить писателя, а стремится, в первую очередь, найти хороших авторов и издать их книги сотысячными тиражами.

Что ж, задача похвальная, не правда ли? Тем более что честная и открытая премия однажды уже не присудила первую премию за отсутствием искомого кандидата. К тому же в жюри премии участвуют три режиссера.

бенка, школьники, которые тоже голосуют за произведения или против, и без этих членов жюри голосование не производится. Остается гадать: как бедные дети ухитрились за два прошедших сезона прочитать более 800 рукописей различных детских книг... Ужас охватывает при мысли о возможной судьбе этих несчастных... Интересно, дают ли им за вредность молоко и работают ли с ними профессиональные психологи? Рукописейто разные бы вают опять же...

Финалом круглого стола стало оптимистичное заявление Натальи МихайлюкШугаевой о том, что нынешний сезон «Заветной мечты» будет отличаться от прошедших несколькими нововведениями, в том числе и тем, что премия теперь станет своеобразной рулеткой. Внимание! Джекпот! Вы выиграли миллион (рублей конечно)! Желающим узнать подробнее о литературном казино было заявлено, что 12 сентября открывается третий литературный сезон «Заветной мечты». Журналистов и гостей просят аккредитоваться и быть на прессланче. (О, богатый русский язык! Выражение «прессланч» вызывает у меня такие странные ассоциации, что начинаешь думать: «А может не надо туда?» Я плохо себе представляю и пресс и ланч одновременно.)

После окончания выступления Натальи МихайлюкШугаевой Ирина Барметова ласково поинтересовалась, есть ли у прессы вопросы. Пресса промолчала и после разрешения моментально смылась.

Продавец воздушных шаров с КОСМОСОМ в ГОЛОВЕ

С Мариной Палей мы познакомились в июле 2008 года в Санкт-Петербурге. Для меня это событие оказалось несколько сюрреалистичным. Мало того что этот город сам по себе несет таинственную, а порой и драматичную энергетику, к этому прибавились еще два дня неспешных прогулок по Петергофу и улочкам Питера, вы талкивавшим, выбрасывавшим, вышвыривавшим нас то к дому старухи-процентщицы из романа Достоевского, то к Обводному каналу, про который писала сама Марина, то в другие странные и мистические места...

Марина – человек удивительный во многих отношениях. Несмотря на проблемы со здоровьем, она мужественно бродила со мной по городу. Казалось, она прикасается взглядом к каждому дому и о каждом рассказывает свою историю. Вряд ли найдется десяток другой человек, знающих и любящих Питер так же, как она. И это удивительно. В ней удивительны многие вещи. Например, ее письма, которые она пишет с тем же изяществом, что и прозу, добавляя туда то интеллигентные формулировки, типа «испытываю закономерную неловкость», то шутовское согласие на публикацию рассказа: «бедная еврейская девушка согласна»... Ее дотошность по отношению к каждому слову злит корректоров и редакторов и восхищает меня как писателя, поскольку учиться оттачивать фразы до блеска нужно именно у нее, у Марины. Когда я начала читать ее книги, то поняла, что делать это как читатель просто не могу – текст настолько плотный, что его можно резать ножом. Тогда пришлось прочитывать фразу за фразой, вдумываясь и понимая, что ее проза – определенной степени феномен в русской литературе. Ее

тексты малооптимистичны и буквально выворачивают вас наизнанку, ту самую, которую мало кому хочется видеть и замечать. Создается ощущение, что автор, ухмыляясь жесткой улыбкой гоголевских персонажей, спрашивает: «А не хотите ли гаденького? Хватит уже засахаренный сиы ропчик вкушать, господа!»

И, вместе с тем, удивительно, трогательно звучит ее просьба: передать привет мастеру, у которого она училась, Евгению Юрьевичу Сидорову. Для нее, живущей ныне в другой стране, оказалось так важно знать, что учитель помнит ее, гордится ею...

«Сейчас я ему отвечу подробно, но, знаете, очень хохы тела бы передать ему ЖИВОЙ ПРИВЕТ.

Поэтому – когда будете в Литинституте, если это Вас не затруднит, расскажите ему, пожалуйста, о нашей эксы курсии по местам Достоевского.

Я ОЧЕНЬ хочу его порадовать. Может быть, скажете, что я ориентировалась так же, как будто и не было у меня с этим городом никакой разлуки.

Я хочу, чтобы он понял, что я осталась той же девочкой из Питера...»

Она и есть девочка из Питера, ранимая, взбалмошная, иногда в чьейто эгоистичная и нетерпимая в своих оценках, но, в то же время, внимательная и отзывчивая, тянущаяся к тому, кто захочет быть с ней искренним и открытым.

Ее называли звездой русской интеллектуальной прозы начала 90ых а ее иммиграцию из России в Нидерланды посчитали крахом для нее как писателя. Но после долгого молчания появились романы «Клеменс» и «Дань саламаны дре», повесть «Рая & Аад», рассказ «Контрольный поцеы луй в голову»...

Марина по своей сути провокатор. Ее проза насквозь сексуальна, порой медицински физиологична, но наы

столько стилистически выверена и безупречна, что часто оказывает на читателя гипнотическое воздействие, вводит его в транс, словно он нежданно-негаданно засмотрелся на шаманскую пляску саламандры, извивающейся в огне страстей человеческих. Беззаконное, дикое, эпатажирующее? Это стиль Марины Палей, кто бы сомневался. Но сделано это не ради дешевого эпатажа на потребу низшим страстям, а с целью исследовать некие глубинные процессы человеческого бытия фрейдовским, вернее, павловским, взглядом. Похоже, она сама ведет собственный диалог с Богом, самой природой, пытается препарировать процессы жизнедеятельности души и собрать воедино пазл из жизни, смерти, секса, системы отношений мужчины и женщины, сознания и подсознания... Опыт ее мысли уникален, восприятие фасетчато, оно дробится на мельчайшие нюансы в поисках первоисточника любви и смысла. В своих изображениях она точна, как хирург, выверяя до миллиметра надрез, который необходимо произвести. Ольга Татарина писала, что Марина переполнена талантом и сверходаренностью. Не могу с ней не согласиться, добавлю лишь, что эта сверходаренность очень жестко, а порой и жестоко владеет Мариной, буквально заставляя писать кровью.

Ее произведения абсолютно неженские, невероятно кинематографичные, завораживающие, метафизические – терминов можно придумать множество, и все они отражают лишь часть ее творчества, но ее саму – в еще меньшей степени, потому что вряд ли кому-то придет в голову считать ее обычной девчонкой из Питера, тогда как она вспоминает в своих письмах археологические раскопки древнего города Танаиса и своих друзей...

Марина делится ощущениями от фильмов, признаваясь, что иногда прокручивает эпизод посекундно, снова и снова, иногда в сотый раз, растягивая мгновение в вечность... Она читает на английском и нидерландском,

ухитряясь охватить немислимые проявления гениальности в совершенно разных искусствах, будь то литература, кино, музыка или живопись... Живет взахлеб, забывая пить, есть и спать, порой не сознавая, что человеку для его жизнедеятельности нужно исполнять некие ритуалы физического свойства.

Мне нравится одна фраза из ее письма: *«я продавец воздушных шаров, мне надо надуть шарик так, чтобы он высоко взлетел...»*

О Марине можно сказать многое. Часто ее воспринимают как холодного, сугубо реалистичного, рационального аналитика, не видя того, что скрывается внутри, а там, как писала одна ее читательница, человек *«с ободраной до костей кожей, разбухшим от ПОНИМАНИЯ сердцем – и космосом в голове»*.

«Мир по Новикову»

Андрей Гусев «Мир по Новикову».
М.: Вест-Консалтинг, 2007.

Вы хорошо разбираетесь в политике? Вам не чужды закулисные и подковерные игры сильных мира сего? Вы знаете, как выходят в эфир новости? Вы считаете, что понимаете, о чем думает мусульманин, для которого слово «джихад» не просто слово, а священная война? На эти и многие другие вопросы ищет ответ герой романа «Мир по Новикову» Виктор Новиков. Автор романа Андрей Гусев, писатель и журналист, ведет с читателем серьезный разговор о современной жизни. Раскройте глаза на те события, которые происходят в стране, не делайте вид, что все хорошо. Это не так. Посмотрите на наших преы

зидентов, на то, куда они ведут всех нас, и на то, что они натворили. Каждая страна достойна своего правителя, и мы сами виноваты в том, что нами правят те, кто нас убивает, как убивали Ленин и Сталин. Ничего не изменилось. Гибель подлодки «Курск», трагедия «Норд-Оста», взрывы в метро и многое другое – вами уже позабыты? Кому нужны война в Чечне? Почему нельзя ее прекратить?

Герой романа Виктор Новиков, художник по профессии, человек маленький, лишний в этом мире, потому что никак не может приспособиться и чувствовать себя хорошо в жестком, алчном и нечестном мире, в котором все перевернуто с ног на голову. Он не идеальный герой, а живой человек со своими достоинствами и недостатками. Картины его не находят спроса, распадается семья, уходит любимая девушка, в голове полный бардак... Такой же, как и во всей русской жизни. Интересно то, что одни и те же вопросы освещаются Гусевым с двух точек зрения: мужской и женской, причем обе психологически достоверны. Однако я не думаю, что это психологический роман, как написано в аннотации к книге, скорее это романы: апокалипсис, романы предостережение, романы осмысление. Это попытка ответить самому себе на вопрос: доколе униженные и оскорбленные своим же правительством русские люди будут закрывать глаза на происходящее в стране и мириться с этим?

«Мир по Новикову» состоит из четырех частей: «Российская история 95», «Портреты его грез», «Повелитель пчел» и «Сто лет со дня рождения». Каждая часть и удивительно обособленна, самостоятельна и в то же время неразрывно связана смысловыми нитями со всеми остальными. Политика, секс, культура, отношения в семье, религия – все это есть в таком небольшом по объему романе. Единственное, чего здесь нет, так это «воды», многочисленных лирических отступлений, философско-высканных

отстраненных размышлений и этакое кичливое самолюбования. Это эпопея общества в состоянии войны. Война и мир.

Заканчивается роман повестью «Новый Армагеддон», историей простого вайнахского парня Мусы, выросшего при советской власти и верившего ей до поры. Он выбрал свой путь, путь террориста, который готов умереть за свои убеждения, за то, чтобы война прекратилась, дав, наконец, свободу чеченскому народу. Да, это страшно. Но не менее страшно то, что русские, определившие себя богоизбранным народом, считают себя вправе решать судьбы других. Живите своей жизнью и оставьте тех, кто имеет другую точку зрения, не пытайтесь навязать свой образ мышления, свой «рай», свои убеждения. Учитель Мусы Сейран предупреждает его: «Ты должен знать... нас будут называть террористами и пугать нами маленьких детей. Да, если сопротивляться, когда у тебя отбирают все, то тебя назовут террористом. Всех нас постараются превратить в новых изгоев».

На другой стороне этой повести – простая русская девушка Надя, Надежда, операционная медсестра в госпитале ФСБ. Человек, спасающий жизни, дающий надежду, но и человек, постоянно сталкивающийся с кровью и смертью, только с другой стороны. Ей не повезло – она оказалась в том роковом вагоне метро на станции «Авиазаводская», где произошел взрыв. О чем она думает на эскалаторе метро перед взрывом? А вот о чем: «Ну, не правда ли, поразительна всенародная (большей части населения) любовь к Ульянову Ленину, который устроил кровавую революцию, вверг страну в гражданскую войну?! А вспомним события недавние: взрывы домов в Москве и Волгодонске, вторая чеченская война, гибель «Курыска», «НордыОст»... Другому хватило бы и малой толики этого перечня, чтобы кануть в политическое небытие, а подполковник Путин во второй раз выиграл президенту

ские выборы. В первом туре, с громадным отрывом. Заы кончилось все кошмарным убийством сотен детей в бесы ланской школе. Русские офицеры после подобных вещей стрелялись, себе в голову. Видимо, подполковник – не русский офицер. Он даже в отставку не ушел».

Случайно Надя и Муса встречаются в маленьком баре, но не знакомятся, хотя и замечают друг друга. Их отношения невозможны, они на разных полюсах. В соы временном мире то, что могло бы стать любовью и нести жизнь, превращается в ненависть и смерть. Они антонины мы. Антиподы.

Кто прав? Чья позиция безупречна? Воины джихада не щадят русских женщин и детей, но и русские солдаы ты сбрасывали бомбы на мирные аулы горцев, которым «оставалось только прятать маленьких детей в подвал, деля вид, будто это веселая игра, и понимая, что подвал при прямом попадании станет общей могилой».

Андрей Гусев пытается объяснить, раскрыть глаза чьи тателю на реальное положение дел. Он не оправдывает джихад, он объясняет его. И от этого еще горше. Они не изверги, они хотят мира и свободы. Так дайте же им это, черт возьми! И тогда мы тоже сможем вздохнуть спокойы но, сможем ездить в метро и не выскакивать из поезда, заметив подозрительное лицо или объемную сумку. Мы сможем не бояться дня, который наступит завтра.

Постепенно от одного к другому маленькие эпизоды жизни Виктора Новикова складываются в одну большую многоплановую картину современной российской дейы ствительности, той действительности, которую большины ство предпочитают не замечать.

Автор, подводя итоги своим размышлениям, говорит, что «...это история о том, как догматический мир – мусульы манский, христианский, коммунистический – убивает чьи ловека еще при жизни. Маркс, Фрейд, Христос – любая

система окажется концлагерем, если принимать ее полностью и без иронии. Реальность не может укладываться ни в какую схему». Она и не укладывается. Совсем.

После прочтения книги Андрея Гусева «Мир по Новикову», я совершенно уверена в том, что ее просто необходимо сделать настольной книгой каждого президента, чтобы знать, как не надо делать историю, как не надо руководить страной. Слава Геростата, уничтожившего одно из семи чудес света – храм Артемиды в Эфесе, это не та слава, к которой надо стремиться. Увы, ни Ельцин, ни Путин этого не поняли.

Закрывая книгу, видишь на обложке слова предостережения, в которых ирония перерастает уже в сарказм: «Все персонажи этой книги, включая известных политиков, являются плодом воображения автора. Если же обнаружатся некие совпадения с российской действительностью, то тем хуже для последней».

Куда уж хуже...

«Мы попали в запендю»

Иосиф Райхельгауз «Мы попали в запендю».
М.: ЭКСМО, 2009.

Где чаще всего читает книги обыкновенный русский чей ловек? Правильно, в метро, по дороге на работу или с работы, в институт или из института. И я не исключение. Открыв новую книгу Иосифа Райхельгауза «Мы попали в запендю» в вагоне поезда, я, похоже, привлекла всеобщее внимание, чего со мной давно не случалось. Я чей ловек тихий и обычно веду себя культурно, тем более в общественных местах. Но тут... я всю дорогу хохотала и вытирала слезы, выступившие от смеха, и опять хохотала,

промокая глаза носовым платком и совсем не заботясь о том, что мой тщательно наведенный макияж превращается в маску Пьеро с печальными черными потеками на щеках. Тактичный народ искоса на меня поглядывал и пытался краем глаза увидеть название книги. Интерес был практически всеобщим. Честно говоря, я сама не ожидала от себя такой реакции. Ну, театральные байки. И что? Да мало ли сейчас книг выходит о театре и кино, о столичной богеме и их нравах? Может, и улыбнешься мимоходом разок... Но это совсем другое.

Книга «Мы попали в запендю» содержит около 150 театральных баек и коротеньких рассказов, историй, подмеченных и записанных в разные годы жизни автора, начиная от студенческой скамьи и не заканчивая... Герои разные. Здесь и Олег Табаков, и Валентин Гафт, и Игорь Кваша, и режиссер Анджей Вайда, и Анатолий Чубайс, и Борис Акунин – имена, известные всем. Чего нет в этой книге, так это ненужного пафоса и самолюбования, проясления себя и принижения других. Есть тонкий и веселый живой юмор, порой в гневе переходящий в сарказм, что еще больше располагает к автору. Есть живой челоуек – Иосиф Райхельгауз. Не штамп, не известный режиссер и человекеулегенда, а обычный, просто очень яркий, куражливый и озорной человек, который делится веселыми и забавными историями, происходившими с его друзьями и коллегами и с ним самим. Розыгрыши, становящиеся анекдотами и байками в театральной среде, – норма жизни; игра продолжается и вне сцены, и продолжается талантливо, успешно, оригинально.

Название книги – цитата из чеховской «Чайки», известный и классический ляпюговорка, типичный для театра. На обложке – автор книги, Иосиф Райхельгауз в гриме Станиславского. И это не самомнение и самовозвеличивание, а просто веселая шутка, как и все в этой книге. Совсем не лишние в ней и боковые сноски, которые

помогают читателю, далекому от театра, понять, о ком конкретно идет речь и почему. Кроме простого получения удовольствия, это еще и расширение кругозора, что в наш век совсем нелишне, особенно для молодежи. Это сохранение театральной культуры общения, если хотите. И я думаю, что это особенный национальный, сугубо русский жанр, неповторимый в своей манере.

Детство автора, похоже, изначально предрасполагало к театру, что видно еще из предисловия книги, также пронизанного юмором.

«А как в нашем одесском дворике тетя Софа кричала с балкона своему сыну: «Боречка, вы что опять диротесь?», и сквозь детские визги доносился Боречкин голос: «Мы не диримся, это нас бьют!»

Здесь Райхельгауз сохраняет не только родной ему одесский юмор, но и специфический, легко узнаваемый говор, придающий неповторимый колорит и достоверность произошедшему.

А совершенно анекдотичный случай, казалось бы, просто нереальный и в то же время абсолютно достоверный, произошедший с Валентином Никулиным и Петром Ивановичем Щербаковым?

«На гастролях Никулина поселили с Петром Ивановичем Щербаковым. Тот был человеком мощной комы плекции и мощно храпел по ночам. Валентин Никулин решил просить директора театра Леонида Эрдмана об отдельном номере. Эрдман его выслушал, искренне посочувствовал и посоветовал:

– Не торопись переселяться. Есть отличное средство. Когда Щербаков начнет храпеть, ты тихонечко присви стывай и цокай языком...

Валентин Юрьевич следовал совету педантично, но успехами похвастаться не мог.

Через несколько дней к Эрдману пришел Щербakov:

– Леня, пересели меня в другой номер! Я не могу спать!

Этот сумасшедший Никулин каждую ночь вскакивает, свистит и цокает языком!»

Теперь представьте, что таких историй в книге целых сто пятьдесят! И я думаю, что наверняка эту книгу можно было бы продолжить. Все с тем же юмором и виртуозностью человека, живущего театром, у которого даже работа над редактурой вот этой самой книжки опятьтаки заканчивается байкой.

Наталья Иванова. Пастернак «Времена жизни»

Наталья Иванова «Пастернак «Времена жизни».
М.: Время, 2007.

Наталья Иванова – один из известных в России специалистов по творчеству Пастернака. Ее перу принадлежат такие книги о нем, как «Борис Пастернак. Участь и предназначение» и «Борис Пастернак и другие». Монография «Пастернак и другие» легла в основу авторской программы «Пастернак: раскованный голос», вышедшей в 2006 году на телеканале «Культура». «Времена жизни» продолжают исследования судьбы и творчества поэта – от рождения и становления до последнего дня жизни. Особенность этой уникальной книги в том, что Наталья Иванова за каждым душевным терзанием Пастернака, за особенностями его биографии видит причины появления того или иного произведения, видит, как жизнь ведет

поэта по его сложному и тяжелому пути. Борис Пастернак предстает перед нами человеком, со свойственными любому достоинствами и недостатками, предстает живым, ищущим, ошибающимся, раскаивающимся, гневающимся, не приукрашенным флером известности и Нобелевской премии, т. е. человеком. Когда читаешь эту книгу, лучше начинаешь понимать Пастернака, принимать его, сопереживать.

Наталья Иванова пишет: «Борис Пастернак обладал даром счастья. Плакал от счастья, даже умирая от инфаркта на коридорной больничной койке. Он не был расстрелян, как Гумилев, не погиб в лагере, как Мандельштам, не был доведен до самоубийства, как Цветаева, не прошел через Гулаг, как Шаламов, не хлопотал о заключенном в тюрьму и лагерь сыне, как Ахматова. Но он не был удовлетворен своей, внешне сравнительно благополучной, жизнью, и сам вызвал свое несчастье, описав собственную вероятную судьбу в судьбе Юрия Живаго. Рискну сказать, что он, в конце концов, сотворил судьбу своих утрат в сотрудничестве с Творцом, полностью искупив видимость благополучия. В одном из писем Цветаевой он сказал: что могло быть счастьем, обернулось горем, — и тем самым заранее набросал вчерне свою судьбу.

«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их» — слова Тициана Табидзе, гениально переложенные Пастернаком, стали закономерностью и его жизни».

Пастернак жил вздохом с самого начала и до конца. Еще в юности, когда все не мог выбрать себе профессию, хотел стать художником, композитором, музыкантом, философом. Когда влюблялся в женщин, таких разных и таких (каждая по-своему) прекрасных. И, тем не менее, Наталья Иванова подчеркивает его некую пассивность — тактику поведения «подчинения жизненным обстоятельствам», стремлению к тишине и покою, стремлению уйти

от тех или иных конфликтов. Личное знакомство со Сталиным наложило отпечаток на всю его жизнь и творчество, оставило неудовлетворенность самим собой при телефонном разговоре с Иосифом Виссарионовичем о судьбе Мандельштама. Пастернак предъявлял к себе жесткие требования и считал, что иногда малодушничал, шел на уступки, и стыдился этого. Он пережил тяжелейший кризис, когда возникали мысли о самоубийстве – еще в 1929 году. «Хирургические преобразования», проводимые государством, – тяжелейший удар по психике впечатлительного Пастернака. Самоубийство Маяковского 14 марта 1930 года произвело на него страшное впечатление. Ведь Маяковский всегда был для Пастернака притягательным телом своей мощью и силой. Весной и летом 1929 года была расправа с Евгением Замятиным и Борисом Пильняком по поводу публикации их книг, которые выходили не здесь, а за границей. Поэтому не случайно и любимый герой Пастернака, Юрий Живаго, умирает в августе 1929 года. И после этого, когда тяжелейший кризис преодолен, меняется авторский стиль и появляется новая книга «Второе рождение». Не случайно. Ведь Пастернак тогда умер вместе со своим героем, в 1929 году.

Не совсем красит его история с Ольгой Ивинской, его последней любовью и музой, дважды отбывшей срок «за Пастернака» в лагерях. Он разрывался между двумя женщинами, между Зинаидой Николаевной и Ольгой, не мог сделать выбор, потому что любил обеих и никому не хотел причинять боль, а кроме того, Зинаида Николаевна была женщиной достаточно сильной и волевой для того, чтобы шантажировать поэта и «оставить его при себе». Можно ли ее за это винить? Думаю, нет. Ушедшая к Пастернаку от мужа с двумя детьми, Зинаида Николаевна посвятила поэту всю жизнь и защищала свою любовь и свой очаг как умела. А Ольга, Ольга всегда была ему поддержкой и опорой, мягкой, нежной, романтической, но по своему не

менее сильной, чем Зинаида Николаевна. И Борис Пастернак, как мог, всегда заботился и о ней, и о ее семье, помогая им материально, содержа их. Да только ли их? Он помогал многим своим друзьям и семьям репрессированных друзей, например семье Тициана Табидзе.

Пастернак всегда считал свою жизнь неза заслуженно благополучной и очень мучился этим. Передав свою рукопись на Запад, он сам обрек себя на ад при жизни. Преды чувствовал ли он это? Разумеется, да. Это как искупление за благополучность и относительный покой и достаток, а еще за некие вынужденные соглашения, применяемые к нему угрозы иногда действовали – Пастернаку приходилось подписывать и «расстрельные» документы, хотя совесть его кричала и возмущалась. Было и такое. Но, даже когда он не подписывал – его подпись таинственным образом все равно присутствовала на бумаге. Да и история с Андрэ Жидом, когда Пастернака заставили принародно покаяться за эту встречу...

Биограф, критик, литературовед Наталья Иванова дает объективный портрет Пастернака, не приукрашивая, не принижая. Каждый человек таков, каков он есть. Именно Наталья Иванова впервые нашла характерную черту Пастернака, которую потом разовьет в своей работе о Пастернаке Дмитрий Быков: согласие Пастернака с разными историческими обстоятельствами было согласием, пока он не понимал: что-то не так. А если это понимание приходило, он решительно говорил «нет». Таково отношение Пастернака к послереволюционному времени, к Сталину: поначалу было желание найти что-то положительное, даже некая толика восхищения личностью вождя, его силой и харизмой, но когда он увидел весь этот ужас, то решительно сказал «нет». Когда пошли процессы 1936 года и ужасы раскулачивания, то это перешло в прямое отрицание. Отсюда в романе «Доктор Живаго» резкое осуждение человеконенавистничества, террора, отхода от христианских принципов прощения и участия.

В одном из ранних стихотворений Пастернак скажет: «Я вижу на пере у творца крупной каплей лилового лоска...». И эта капля сорвалась романом «Доктор Живаго», потрясшим всю мировую общественность. Вместе с известностью, признанием, Нобелевской премией (так и не полученной под давлением советского правительства) – вместе со всем этим пришло вынужденное «распятие», душевные терзания, и как следствие всего этого – смерть. Но свободная и независимая русская литература начинается именно отсюда – с романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Происхождение вида

Александр Ткаченко «Происхождение вида».
М.: Вест-Консалтинг, 2007.

Открывая новую книгу Александра Ткаченко «Происхождение вида», вышедшую в 2007 году в издательстве «ВестКонсалтинг», сразу попадаешь на Манифест автора, без которого, пожалуй, книгу эту понять и принять невозможно – настолько она необычна. Александр Ткаченко в своеобразном предисловии объясняет читателю, что «смена парадигм – это есть революционность видения».

Напоминая слова Бориса Пастернака: «Поэт должен иметь мужество, меняя круг тем и материал, идти на то, чтобы временно писать как бы плохо, т. е. не плохо вообще, а плохо со своей прежней точки зрения», Александр Ткаченко ищет новые пути саморазвития. Жесткость и устойчивость формы тесны поэту, и он пытается разорвать устоявшуюся оболочку, выйти за ее рамки, даже если это окажется как бы в ущерб внешней красности стиха.

Конечно, это мнение спорно, как и любое индивидуальное мнение, но каждый человек, каждый творец ищет свою точку отсчета, от которой и идет в своем пути, в своем поиске какого-то то ли хаоса, то ли миропорядка... Попытаться понять поэта, писателя, не отталкивая изначально новое, – путь развивающегося человека, человека думающего, познающего, ищущего...

Баланс содержания и формы – это весы, которые колыблются от малейшего изменения миллиграммов, и это нормально, это естественный закон природы. Жертвовать чем-то для достижения каких-то определенных целей может только смелый человек, не страшщийся упреков, укоров, неприятя...

поистине беда когда не знаешь кто ты такой и откуда
и ураганы носят тебя беспечно
с правой руки на левую
с левой руки на правую
оставляя на память
только ресничку
на щеке...

Как легчайшее прикосновение бабочки – летят слова, оставляя еле заметный след пыльцы на кончиках пальцев.

Но буквально через несколько страниц – другое стихотворение, где и смысл и выражение этого смысла, и ритм совершенно другие, принять которые сможет далеко не каждый:

Люблю я девушку с веслом,
Она стоит под кипарисным жаром,
И обреченная на слом
Не даст за деньги или даром.

которая может и не вывести из лабиринта, а увести на какие-то другие уровни мира, чтобы ощутить дыхание вселенной и дыхание самого автора.

«...Ибо горе бессмертно, а я сам имею предел...»

Сегодня, когда этого человека уже нет с нами, я хочу вам о нем рассказать, потому что он один из немногих, кто этого действительно заслуживает. Человек яркий, талантливый и бескорыстный, Алексей Дидуров посвятил себя людям и творчеству, помощи тем, кто нуждался в нем. Его удивительная улыбка и искренние, наполненные светом и теплом любви глаза навсегда останутся в памяти тех, кто его знал и любил. Неожиданная и скоростная смерть этого человека поистине осиротила его сподвижников и друзей. Он ушел слишком рано, как уходят многие талантливые люди во все времена, слишком сильны и ярко горящие на нашем земном небосклоне.

Я помню предпоследний день литературного кабаре с Алексеем Дидуровым. На последнюю встречу я прийти не смогла и, наверное, буду жалеть об этом до конца жизни. В эту предпоследнюю перед летними каникулами встречу Дидуров излучал какой-то особый свет, его слова, вернее, монологи, были длинными и очень содержательными, и мистическими и философскими одновременно. Казаись, он подытоживал свою прожитую жизнь и пытался донести до своих друзей очень важные мысли, которые волновали его на протяжении всего пути. Что же главное? Тяжелые испытания, выпавшие на долю его, а также роли дителей и предков? Друзья и знакомые, предававшие и продававшие его? Или те, кто помог и подставил плечо в

трудную минуту? Неблагодарные и благодарные соратники? Все очень просто. По словам Алексея Дидурова, в мире есть одна, самая важная мысль, миссия, назначение – «НАДО ЛЮБИТЬ ДРУГ ДРУГА», и тогда все будет хорошо. Как просто и невероятно сложно! Дидурову это удавалось как никому другому. Душа его, сердце его горело от любви и отчаянья, от несправедливостей и зла, от желания помочь людям, насколько это в его силах. Он был «доступен» для всех. Любой начинающий поэт, писатель, музыкант мог прийти к нему и спросить совета и помощи – Дидуров не отказывал никому. За свою жизнь я ни разу не встречала другого такого человека, потому что он был уникален. К сожалению, об этом человеке мало кто знает, хотя он как никто другой этого заслуживает. Если хоть один человек после моей статьи купит его книгу или посетит его сайт, я буду счастлива. В моем сердце и в моей душе он будет жить вечно, хотя я его почти не знала, просто так велика сила его слов и души, что достаточно одного взгляда, одной встречи, чтобы понять и оценить такого Человека. Слова из песни группы «Искусственные дети» на стихи Алексея Дидурова звучат в моей голове как пророчество: «...Ибо горе бессмертно, а я сам имею предел...» Предел его наступил слишком рано, может быть, потому, что очень доброе и ранимое сердце было у этого человека, и вот... предел... Смерть Алексея Дидурова наступила слишком рано и осиротила многих людей, которые приходили к нему в горе и в радости. Теперь им приходится некуда, разве что на его могилу...

Вот что писали о нем те, кто хорошо его знал:

«Он знает жизнь, знает литературу. Он бескорыстен в самом хорошем значении этого слова».

Булат Окуджав

«Дидуров жил и живет как поэт в самом наивном и романтическом понимании этого слова: голодно и честно. При этом у него – как, может быть, ни у кого другого, – есть возможность выбирать между этой жизнью и другой, сытой по нашим, разумеется, меркам, но не представляющей ему достойной человека, пишущего стихи».

Юрий Ряшенцев

«Об Алексее Дидурове. В рассказе о нашем застоином, переи постперестроечном времени это имя должно прозвучать непременно – я бы сказал: исторически неизбежно, иначе картина получится не то что не полной, а просто фальшивой. Алексей Дидуров.

Этот, как сейчас говорят, совершенно «нераскрученный» автор, тем не менее, очень хорошо и широко известен нашей публике как замечательный поэт и ярчайший представитель нашего поэтического и музыкального подполья 70–80 гг., давшего такие звездные имена, как В. Цой, Б. Гребенщиков, В. Коркия, И. Иртеньев, Д. Быков. Даже то небольшое, что удалось ему издать из своих богатых запасов, говорит о зоркости глаза, остроте ума и отменном чувстве юмора. Дидурову внятен и подвластен язык улицы, как немногим, – и не меньше, чем самая изысканная и даже витиеватая речь, скажем, маньеристов. Ну, и разумеется, темперамент, напор, бунтарство – первейшие атрибуты наших неформалов.

Но, может быть, главная заслуга Дидурова – это его «Кабаре», постоянное и давно существующее содружество авторов, главным образом поэтов, – на сегодняшний день, может быть, единственный литературно-музыкальный круг, со своей активной творческой жизнью. А ведь ничто так не важно для появления и развития таланта, как творческая среда – особенно необходимая в наше время торжества ширпотребности.

Таких людей, как Алексей Дидуров, российская традиция называет п о д в и ж н и к а м и. Без их ежедневного и бескорыстного подвига отечественная культура наша не устояла бы».

Юлий Ким

«Литературное рок-кабаре Дидурова – не имеющий аналогов университет современного искусства.»

*Владимир Качан –
актер, писатель, шансонье*

«У Алексея Дидурова, нашего земляка и современника, есть два больших таланта – талант сочинителя и талант подвижника. Как правило, каждый настоящий поэт – это «вещь в себе», эгоцентрик, вся творческая энергия которого уходит на создание нетленных виршей. В редких случаях (Е. Евтушенко, С. Михалков) поэт становится общественным деятелем и, как сейчас принято говорить, «публичной фигурой». Но случай Дидурова вообще уникален: не знаю я ни одного такого же крупного поэта, который значительную часть жизни посвящал бы поискам других поэтов и помощи им».

Артемий Троицкий

«Талант – это одаренность плюс судьба. Дидурову жизнь щедро отсыпала и того, и другого. Он вырос из московских коммуналок – но именно вырос: подошвы в грязи, а голова в облаках».

Леонид Жуховицкий

«Оставшийся на узеньком перевале, Дидуров в самые страшные, глухие, нищие годы был по-своему счастлив и блажен – на холоде. Он вдруг резко отверг соблазны стать выкормышем советской периодики и избрал стойронный, независимый, отпугивающий внешнюю удачу путь».

Татьяна Бек

«По моей классификации, Алексей Дидуров принадлежит к неформальной критическими и литературоведческими указами и разъяснениями школе «постромантизма». Думаю, что именно этой школе предстоит сохранить для желающих и интересующихся предания и бытовые сказки провалившейся в преисподнюю времени страны»

Александр Кабаков

«...Должен признаться, что я люблю Дидурова как поэта. Я люблю его поэмы. Сейчас мало кто пишет поэмы, а так крепко, здорово и современно, как это делает Дидуров, может быть, не делает никто...»

Дмитрий Сухарев

«Поэзия Алексея Дидурова искренна и демократична. Она напрочь лишена книжной манерности и интеллектуального кокетства, но при этом не впадает и в другую крайность – в тяжеловесную нравоучительность и псевдонародную простотцу.

Может быть, поэтому легкие, изящные, ненатужные стихи Алексея Дидурова так легко и органично ложатся на музыку»

Леонид Филатов

«О Дидурове нужно написать. Что нужно о нем написать? Что он двадцать лет собирает вокруг себя молодых сочинителей в литературном кабаре «Кардиограмма». Что дело это завещал ему Булат Окуджава – сакральное напутствие зафиксировано, я слышал голос Окуджавы. Что он занимается этим вне нашего времени, а значит, бескорыстно, а значит, верно, честно, результативно и – современно. Что с его помощью совсем недавно в Союз писателей приняты около 40 (!) молодых литераторов, что вышла уникальная антология кардиограммской литературы «Солнечное подполье». Что он подвижник, настоящий поэт, я бы сказал, мифический герой нашего времени: деятельность его, если знать о ней все (а всего, думаю, никто, кроме него, и не знает), даже на слух, даже просто в виде перечисления выглядит нереально, с этим, по нашим пошлым понятиям, не может справиться один человек, живой, из плоти. Мифический Геракл, Сизиф. Вот что можно сказать. А у меня в голове все равно, понимаю, что мало этого про Дидурова, даже несправедливо мало, если только это про него сказать, не сказав того, что я уже сказал, но через запятую, но все равно, недостаточно – в голове у меня крутится: ибо горе безмерно, а сам я имею предел, а любовь одинока, а должно вступаться за слабых».

Николай Фохт

(«Неделя», № 34, 26 августа – 1 сентября, 1999 г.)

«... Это учреждение – отнюдь не кабаре в привычном смысле слова. Там не танцуют канкан, не садятся в ажурных чулках на колени мужчинам с сигарами. Это – кабаре литературное, в которое приходят барды, поэты и прозаики, как признанные, так и начинающие, и выступают перед зрителями. Многие зрители приходят сюда каждую

неделю и не первый год. Мир кабаре, хотя не замкнут, но своеобразен. Здесь есть свои кумиры и свои хиты, свои зануды и свои очаровательные хулиганы. Руководит всем этим Алексей Дидуров. Поэт, к тому же редкий в наши дни энтузиаст и бессребреник. Похоже, смысл его жизни – соы брать вместе людей пишущих, поющих и небесталанных, найти для этих сборов помещение (такое в городе Москве сделать непросто) и всячески тем людям помогать – органы низовывать им записи и публикации, подыскивать работу, утешать в недобрый час. Не зарабатывать при этом ни копейки. Более того, частенько вкладывать собственные сбережения. Которых, в общем-то, немного – Дидуров неуживчивый, он может отказаться от какого-либо вы годного предложения и на вопрос «почему?» ответить с улыбкой в лицо: «Потому что вы – жулик».

Так что если бы Дидурова не было, его пришлось бы выдумать. На этом аналогии между ним и Богом вроде бы исчерпываются. Впрочем, нет, имеется еще одна. О Диы дурове, как и о Боге, вспоминают только когда плохо. Во времена благоприятные немногие все бросят и поедут на противоположный конец Москвы, чтоб в тесном и чай стенько душном зале петь свои баллады. А в тягостные дни это один из верных способов почувствовать себя стоящим на земле обеими ногами»

*Алексей Митрофанов
(«Известия», № 44, 13 марта 1999 г.)*

«Собственные песни Дидурова и песни на его стихи – это настоящая энциклопедия нынешней жизни»

Виктор Славкин – драматург

«Блажен поэт, которому при рождении досталось все в меру, но вечно несчастен «проклятый поэт», которому дали всего в избытке. Он оттого и становится проклятым, что этого избытка никто не может вместить. Вечный двойной подросток Дидуров, «гибрид кота и соловья», по собственному безупречному определению, получил в наследство от родителей, как и всякий интеллигент в первом поколении, фантастическую цепкость и живучесть. Одна очень умная и много пожившая женщина сказала, услышав как-то самопальную кассету Дидурова (сам пел под шестиструнку, строенную под семиструнку), что для нас стоящей славы и канонизации ему достаточно умереть – тут же из него сделают если не второго Высоцкого, так второго Губанова уж точно».

Дмитрий Быков

«О Кабаре Алексея Дидурова мы упоминали в журнале уже не раз. Это едва ли не первый свободный творческий клуб в Москве, возникший в начале 80х годов, куда свободно собирались поэты, певцы, рокмузыканты, художники посмотреть и послушать друг друга. Это было уже на излете брежневской эпохи, когда андерграундная деятельность новых творческих элит начинала терять свою надрывность и угрюмость. Говорить же о какой-либо единой эстетической или политической идеологии этих неформальных сборищ трудно. Там были художники разных эстетических ориентаций, разных поколений: люди уже широко известные, и те, чья звезда только начинала всходить, и «просто» сочувствующие, те, кто создавал необычную среду для творческой жизни. Но внутри этого замечательного сообщества не было тогда и не могло быть какой-либо иерархии. Собирались, чтобы почувствовать друг друга, подышать свободой. Причем свобода эта ни

как не декларировалась, люди, регулярно собиравшиеся у Дидурова, не объединялись даже неким (!) специальным усилием противостоять несвободе – это не был политический клуб. Существовало это Кабаре во многом благодаря энтузиазму, а точнее сказать, одержимости создателя его, рокыгэста Алексея Дидурова».

*Сергей Костырко
(«Новый мир», №11, 2001 г.)*

Краткая справка:

Дидуров – основатель литературного рокыкабаре.

Основатель литературного рокыкабаре Алексей Дидуров – профессиональный литератор, был членом и секретарем СП Москвы, членом Союза журналистов, в прошлом спецкор газеты «Комсомольская правда», сотрудником журнала «Юность», автором журналов «Новый мир», «Дружба народов», лауреатом журнала «Огонек» по разделу очеркистики, автором песен к нескольким популярным художественными телефильмам и спектаклям, создателем (вместе с Владимиром Алексеевым), художественным руководителем и основным поэтом рокыгруппы «Искусственные дети».

С конца 70х годов (первые десять лет – подпольно) Дидуров собирал свое еженедельное литературное бесеплатное кабаре, в котором принимали участие литераторы России и изъва рубежа (кабаре проводилось в разных местах, в том числе и в помещении Фонда М. А. Булгакова – в «нехорошей квартире», где в 20х годах жил сам автор «Мастера и Маргариты» и где он поселил Воланда с его свитой). Последнее время встречи проходили в кафе Угольниковова, кинотеатре «Фитиль» на Фрунзенской наы

бережной. У микрофона дидуровского кабаре на равных правах выступали с исполнением своих произведений и прославленные, именитые, и молодые, и совсем юные сочинители. Ценз один: талант. Кабаре жанрово не лимитировано: зрители за один присест знакомились с фрагментами спектаклей, со стихами и поэмами, с прозой и песней – и все это в авторском исполнении.

Дидуровьипитератор

А. А. Дидуров, журналист, прозаик, критик, драматург, бард, поэт, создатель и ведущий (с 1979 года) литературного роккабаре, родился в 1948 году в Москве. Имел среднее образование. С 1966 года был штатным корреспондентом газеты «Комсомольская правда». С 1967 года по 1970ыйпроходил срочную службу в погранвойсках. Затем снова работа в штате редакции «Комсомольской правды», а с 1972 по 1975 годы – в отделе публицистики журна «Юность». Далее – внештатная работа на радио, на ТВ, в театре и кинематографе в качестве автора и соавтора песен для спектаклей и кинофильмов, автора пьес и сценариев. После 1991 года публиковал свои очерки и статьи, прозу, стихи и поэмы в периодике (журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Огонек», «Юность», альманахи «Истоки» и «Альтернатива»), выпустил в свет пять своих книг, две антологии отечественной рокпоэзии, антологию авторовыисполнителей своего литературного роккабаре, альбомы песен. Книга прозы и поэм Алексея Дидурова «Легенды и мифы Древнего Совека» по рейтингу журнала «Огонек» в 1995 году вошла в десятку лучших книг России, а антология литературного роккабаре Дидурова «Солнечное подполье» названа газетой «Алфавит» лучшей русской антологией. По итогам же всероссийского конкурса «Артиадаь99» антология «Солы

нечное подполье» получила статус лучшей отечественной книги 1999 года. Алексей Дидуров являлся членом Союза журналистов, членом и секретарем СП Москвы. Алексей Дидуров скоропостижно скончался 5 июля 2006 года в реанимации Боткинской больницы. Ему было 59 лет. Похоронен на Ваганьковском кладбище рядом со своей матерью.

«Кара-Барас» на вас на всех, господа...

Тимур Кибиров «Кара-Барас».
Поэтическая библиотека. М.: Время, 2006.

«Новая книга одного из самых известных современных русских поэтов в равной мере злободневна и обращена к вечным вопросам, нежна и сердита, печальна и жизнелюбива. Как и прежде, в стихах Тимура Кибирова пределы ная искренность неотделима от веселой филологической игры, гражданский пафос слит с трезвой самоиронией, а счастливые поиски свежего звука подразумевают причастность большой литературной традиции» – весьма впечатляющая аннотация к книге, вышедшей в известном и славящемся хорошими умными книгами издательстве «Время», новинки которого означают причастность к качественной современной литературе.

С предвкушением открывая сию пропиаренную таким образом книгу известного (не спору) современного (не спору) поэта, я обнаруживаю там тексты, вгоняющие меня в некий транс от попытки понять, где же тут «причастность большой литературной традиции» и прочие обещанные блага... Не нахожу...

«Я не трубач – труба!
 Дуй, Время!» –
 О, как замечательно точно написал Эренбург
 О ненавистном мне типе писателей!
 (Хотел было написать «о женственном»,
 Но всеытаки не все же женщины бляди.)

Мол, я здесь ни при чем, я расставляю
 Чувствительные ножки, расслабляюсь
 И получаю удовольствие, а Время,
 Ну, Времягто, оно, конечно, вдует

По самые помидоры...

Гениально, не правда ли? И, главное, точно. И потом, упоминания о многих русских писателях, эксплуатирование имен Блока и Пушкина, да еще и в контексте несколько паразитическом, навеянном какойто похмельной злобой, весьма и весьма обоснованно, уместно и очень литературно. Наслаждайся, читатель, раздвигай ножки или горизонты ума, и пусть тебе автор «вдует по самые помидоры», у него это хорошо получается.

Ибо то не содержанье,
 Чем исполнен здесь любой!
 Ты, прости за выраженье,
 Полон дряни, милый мой!..

Ибо вакуум корежит
 Форму изнутри –
 Посмотри, какие рожи,
 Только посмотри!..

Тут частушка будет кстати,
 Слышанная в детском саде:

«Сидит Ваня на крыльце
 С выраженьем на лице.
 Выражает то лицо,
 Чем садятся на крыльцо!»

Вокруг автора кругом одни мерзкие рожи и люди, наы полненные дрянью. Интересно, что же он видит поутру в зеркале, если его так корежит? Не уверена, что Кибиروی в в таком состоянии стоит вообще писать стихи, иначе их вряд ли будут учить в школе, даже в самой продвинутой. Ситуация с зеркалом несколько проясняется в стихотвоы рении «Из заповедей я не нарушил...», где автор чистоы сердечно признается в нарушении многих заповедей и в неисчислимом количестве грехов:

Я в скверне по уши давно,
 Но называть говном говно
 Имею право все равно,
 Как это ни смешно!

Но, в общемьго, никто и не смеялся. Чего ж тут смешы ного? Весьма самокритично, да и, главное, справедливо. Покаялся человек, можно сказать, принародно. Имеет полное право. Особенно напоследок, когда ему остаются только:

Остаются боль и страх
 В четырех чужих стенах.
 Фотка, водка, носоглотка
 В стыдных старческих соплях.

Истекая говном и стыдными старческими соплями, Тиы мур Кибиروی отнюдь не стыдится за свое творчество и

литературную славу, более того, считает возможным поыругивать и попинывать поэтов-классиков, не могущих ему ответить, потому как давно уж и кости их истлели. А что? Мы можем! Вдарим по Чаадаеву, используем чужие строки, слова, рифмы, поиронизируем над Корнеем Чуковским... Когда своих мыслей и идей нет, одни лишь рекламные слоганы и непристойные частушки валом валят, то можно на чьей-то основе и поэмку извальять или изваять. Нет, изваять не получается.

Идеалы
 Убежали,
 Смысл исчезнул бытия,
 И подружка,
 Как лягушка,
 Ускакала от меня.

Подружку, честно скажу, искренне жаль, как и тех, кто, купив эту книгу, потратил свое время на ее прочтение и деньги – на ее покупку. По моему скромному разумению, фиглярство такого низкого пошиба не должно оплачиваться, а уж издаваться тем более. Выражаю глубокое соболезнование достойному и любимому мной издательству «Время», которое, очевидно, по досадному недоразумению так крупно «прокололось» с выбором автора, чем несколько подпортило свою безупречную репутацию.

Р О В

Александр Ткаченко «Сон крымчака, или Оторванная земля». Хроникер, 2007.

Книга в суперобложке, на ней картина... Карло Боссоли «Карасубазар», 1841 год. Александр Ткаченко «Сон крымчака, или Оторванная земля» – гласит название книги. Кто такие крымчаки? Где это – Карасубазар? А вот это как раз очень интересно. Сегодняшний Белогорск (до 1944 года Карасубазар) расположен в 42 километрах к востоку от столицы Крыма Симферополя.

В XIX – первой половине XX века Карасубазар был главным центром крымчаков, но во время немецкой фашистской оккупации все крымское население было уничтожено гитлеровцами. Сам автор говорит, что книга «была написана на основании элементов остаточной памяти», потому что иначе от народа, жившего веками, не останется ни следа, ни картин, ни книг, ничего...

Ах да – книга. Она очень необычна. Знаете, когда произведение включает в себя и исторические, и этнографические сведения, и является еще высокохудожественным произведением, то даже не знаешь, как о ней написать – мысли растекаются, хочется рассказать об одном, упомянуть второе, процитировать третье и так до бесконечности. Что в ней? Любовь к своей Родине, к жизни, к уходящему и практически ушедшему, исчезнувшему народу... В ней боль за то, что произошло во время войны – ведь более 80% населения было расстреляно немцами, включая младенцев, детей, подростков, женщин... Это плач по народу, который никогда не сможет уже восстановить свой генофонд, во всем мире осталось около 600 человек

крымчаков... В ней красота Карасубазара и простых чистых душ крымчаков и гордая красота крымчачек... В ней гимн погибшим... Это отчасти и поэма...

В ней много фотографий... Их глаза, глаза крымчаков смотрят на вас оттуда, из ушедшего мира, из небытия, смотрят скорбно и устало и словно спрашивают: «Мы просто жили... А что делаете вы? Куда вы идете? Какой дорогой?» Знаете, это надо увидеть, а увидев, осознать, что ты живешь в этом мире и ты сам должен быть ответственным не только за себя, но и за этот мир в целом, потому что точка отсчета – это ты, и каким будет этот мир завтра – зависит и от тебя. Александр Ткаченко написал потрясающую книгу, полную жизни, красоты, юмора, боли – это как взрыв света посреди коммерческого чтения. Есть книги, которые получают различные литературные премии: «Букер», «Большая книга»... Есть книги, которые остаются в вечности, которые выше всего этого. «Сон крымчака» – это разве что Нобелевская премия, да и она не нужна, это настолько вне литературного процесса, что и объяснить это невозможно – читать надо. Всем надо читать. Чтобы жить душой, чтобы увидеть и прочувствовать все, что увидел автор.

Новеллы одна перетекает в другую, страшные притчи сменяются школьными анекдотическими случаями, а те в свою очередь – описанием быта крымчаков, свадебным обрядом или романтической и нежной историей о жонглере Коко, или трагедийными скупыми страницами расы стрела крымчаков...

Тонкая паутина бытия прядется и сплетается в единую картину Карасубазара, увы, призрачную, недоступную, недостижимую...

Великолепная притча о «Небесном монголе», о благоговенных отметиной Будды посвященных оставляет в душе след, как оставляют его и все другие новеллы.

11 декабря 1941 года

- Деда, куда мы идем?
- Не плачь, погулять...
- А почему все плачут вокруг?
- Им больно...
- Отчего?
- Туфли жмут, не плачь, успокойся...
- Что, жмут всем сразу?
- Да...

-
- А куда мы идем?
  - На расстрел...
  - А что такое «нарастрел»?
  - Это такое действие, не плачь...
  - Какое действие?
  - Когда одни делают вид, что стреляют, а другие делают вид, что падают и умирают, не плачь...
  - Это похоже на сказку, да?
  - Да, похоже на сказку...
  - А что будет после «нарастрела»?
  - Пойдем домой, не плачь...

Что можно сказать после прочтения этих строк? А надо ли что-то вообще говорить?

Почтите в своей душе минутой молчания погибших от геноцида крымчаков...

И сказала девочка
 Мне не холодно, мне стыдно,
 Заверните меня в край небес голубой,
 Страх и ненависть пишутся слитно,
 Страх, что звери людей повели на убой,

Трава болит, небо болит, земля болит
 До сих пор,
 Ветер болит, дождь болит,
 Катится солнце убитое с гор...

Видно детские вам не читали книжки,
 И в садах городских не подсаживали на качели,
 Положите меня еще глубже, ниже,
 Стыдно... будут лезть...
 Золотую монисту подарить не успели.
 Звери вы, господа, звери,
 Во второй раз тоже звери...

Читаешь эти строки и вздрагиваешь: это не Александр Ткаченко написал, это сказал ребенок, которого расы стреляли...

Написать правдивую книгу, не солгать ни читателю, ни самому себе, ни им – тем, кого убили, тем, кого закопали там, в противотанковом рву, на десятом километре от гуы бернского города по Феодосийскому шоссе. С 11 по 13 декабря 1941 года там были расстреляны около 13 тысяч человек, среди них восемь тысяч крымчаков, около четырех тысяч евреев. После войны убитых кое-как переы захоронили родственники и городские власти, но многие остались там, во рву. Немцы спешили, а у расстрелянных были при себе золотые вещи, украшения, которые были спрятаны на теле. Этим воспользовались гробокопатели и варварски разграбили это место. Нет мертвым покоя. Душам их, костям их. Страшно. Когда вот так – страшно. Александр Ткаченко вместе с Андреем Вознесенским и адвокатом Владимиром Зубаревым не позволили глумиться над погибшими, сделали фотографии, отвезли

их в Москву, несмотря на угрозы и оскорбления в свой адрес. И добились того, чтобы было построено каменное сооружение-памятник, укrywшее от посягательств нечестных, – «Поле памяти».

Эта книга и есть своеобразное «Поле памяти» практически исчезнувшему народу. Кто до этой книги знал о трагической судьбе малочисленного крымчакского народа?

Александр Ткаченко пишет о мистическом трагизме совпадения слов, о некоей трагической обусловленности произошедшего.

«Слово «Тафре» древнегреческое, из него сформировалось Тавр, Таврия, что означает РОВ. Далее. Само слово «Крым» произошло от тюркского КЕРИМ. Века поглотили смягчающее Е. КЕРИМ – значит КРЫМ, в переводе тоже означает РОВ. И что же получается?

В 41ым фашисты почти всех крымчаков расстреляли у рва и уложили в... ров...

Судьба? Рок? Ров... Ответа нет».

Зато есть эта книга. Прочитайте ее, и вы никогда не забудете этих строк. Вы проживете и переживете их, они останутся в вас навсегда. В мире, несмотря на огромное количество книг, – совсем немного таких, которые хотелось бы иметь на своей книжной полке, посоветовать друзьям, дать детям. Но эта одна из них – как краеугольный камень страшной истории XX века, который невозможно вытащить, обойти, позабыть, спрятать...

P.S.: Перечитываю статью... Судьба... рок... ров... прошло так мало времени после презентации книги, а Александра Ткаченко с нами уже нет. Эта книга – самый главный след, который оставил он на этой земле, один из последних крымчаков, но и один из первых.

Мы помним тебя, Саша...

Академикъзатырщик

Эдуард Кочергин «Ангелова Кукла».
СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2007.

Книга «Ангелова кукла», вышедшая в издательстве Ивана Лимбаха, дает еще одно, совсем непонятное и загадочное толкование названия: рассказы рисовального человека. Это интригует и притягивает взгляд. Открывая книгу, ты еще не понимаешь, не осознаешь до конца, что тебя ожидает, а ожидает совершенно необыкновенное повествование о судьбе необычного человека и о судьбе тех, с кем он был связан тесными узами существования на этом свете, узами соучастия, сострадания... Трудно представить, что Эдуард Кочергин, народный художник России, лауреат многих государственных премий, действительный член Российской Академии художеств – бывший затырщик, т. е. приемщик краденого. Невозможно предположить, чтобы человек, попавший с трех лет в деты приемник НКВД как сын репрессированных родителей, научившийся выживать там, выживать единственной мечью – сбежать обратно на родину, в Ленинград, чтобы найти когото из близких, – со временем станет известным художником. Десять лет понадобилось ему, чтобы дойти до родного города. Каким невероятным упрямством и силой воли надо обладать, чтобы снова и снова бежать из приемников и потихоньку продвигаться туда, куда зовет тебя сердце?!

Рисовать Эдуард Кочергин начал в одном из таких спецраспределителей, когда увидел в бане татуированное тело помхоза Томаса Карловича Японамать, в свое время в японском плену продавшего свое тело традиционной татуировальной школе. Томас Карлович и научил

маленького Эдуарда искусству японской татуировки, что не один раз и кормило его, и спасало, и придавало некий вес в определенных кругах.

Надо сказать, что Эдуарду Кочергину везло на людей с необычными судьбами. И именно благодаря этому роилась необычная пронзительная книга, мгновенно сработанная, схваченная с налета, слепленная из потрясающих деталей, живая и трагическая.

Рассказы-зарисовка «Поцелуй», медлительно и плавно текущий по своей поверхности, становится поистине страшен, когда обнажается суть самого события. Инвалидов войны в то время звали «обрубками», тех, у которых не было каких-то частей тела. А этот «солдатык-великан» был истинным лицом войны, нечеловечески страшным: «Голова солдата-великана была расколота по диагонали, да так страшно и безжалостно, что смотреть на нее было невозможно, а уж я повидал в своей жизни к этому времени! Шрам, если это можно было назвать шрамом, проходил щелью почти от правого виска вниз через все лицо, уничтожив нос, то есть, соединив рот и нос в одно отверстие с остатками лохматых губ. Сдвинутые, но живые куски мяса – разбитые глазницы, правого глаза не было. Война. Это было воистину лицо войны». И вот такой обренок увидел в вагоне поезда прелестную девочку-девушку «молочной спелости и красоты необыкновенной». Ни девушка, ни ее мать еще не видели инвалида. А он, завороженный ее красотой, рванулся и поцеловал ее остатками лохматых губ в шейку... Девушка зашлась в испуганном крике, словно взорвалась от ужаса, а из глаз инвалида-обрубка хлынули слезы...

И так можно говорить о судьбе каждого: и питерских проституток – «парколенинских промокашек», и о судьбе слепого Капитана, промышлявшего на выпивку со своей черной курочкой, и о ворах в законе, и о других обрубках, и о людях интеллигентных «сэхэшовских анти-

ках», преподававших в Средней художественной школе (СХШ)... Кто лучше Эдуарда Кочергина, примерившего на себя подобный же кафтан, смог бы увидеть душу людей питерского «дна», в чьемто опустившихся, в чьемто гораздо более честных и благородных, чем многие другие? Наряду с жуткими и трагическими описаниями людей обочины, юродивых и калек, Кочергин рассказывает и о жизни в СХШ, о шалостях и проделках одноклассников. Замечательна по своей веселой хулиганистости зарисовка «Трамвай», в которой с юмором рассказывается о «выдающихся чудиках» и оригиналах преподавателей этого учебного заведения.

Кочергин писал драматическую судьбу своего поколения, людей, выпавших из поля зрения писателей, людей, позабытых и ненужных, но именно они были сутью и колоритом той эпохи, того питерского острова Голодая, а также Васильевского и Петровского островов...

Символично и горько называется последний из цикла рассказов «Россия!.. Кто здесь крайний?» с эпиграфом «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Всеобщее опохмеление в вологодском городе Тотьме – описание, словно сошедшее со страниц сказок Салтыкова-Щедрина.

«Мы не сразу разглядели, что толпа образует между храмом и трибуну плотную многоколенную очередь, которая заполняет всю площадь и концом своим уходит в поднимающуюся угорьем улицу деревянных домов...»

Ожидание народом на площади бочек с опохмеляющим зельем, и апофеоз «тотьменского бытия»: «С угорья, куда уходил хвост очереди, показался высокий спешащий седой человек, в больших роговых очках, с лицом алкогольного академика. Осмотрев со своего высока всю площадь, уставленную бесконечными тунейдцами, сбав

вил ход, поняв, что опоздал, и, подойдя к хвосту очереди, хриплым начальственным голосом спросил, обращаясь ко всей площади:

– Россия!.. Кто здесь крайний?»

Россия до сих пор ищет крайнего... Оставим это...

Эдуард Кочергин написал великолепную книгу о своей жизни и жизни питерского «дна», существовавшего одним огромным общежитием, которых объединяет одно: то, что таким людям жить уже не страшно, они смотрели в глаза стольким ужасам и страданиям, сколько не выпадает на долю одного человека, но всего народа в целом. И остается только мечтать и надеяться на то светлое завтра, которое непременно настанет.

«Да, Россия, жизнь твоя утрешняя – жизнь ожидательная».

ИНТЕРВЬЮ

Вадим Левин

Более ста лет назад от нас ушел в вечность великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Побеседовать о его творчестве мы решили с Вадимом Александровичем Левиным – известным детским поэтом, педагогом, кандидатом психологических наук, соавтором современного «Букваря» (система Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова) и учебников по русскому языку.

Скажите, Вадим Александрович, сегодня рассказы, написанные им для детей, так же актуальны? Почему?

– Мне трудно сравнивать сегодняшнюю актуальность рассказов Льва Николаевича с той, какая была в его времена. Я хотя и в возрасте, но тех времен не помню и свидетельств о тогдашней актуальности этих рассказов не встречал в печати. Но сразу хочу уточнить: по моим ощущениям, творчество Л. Н. Толстого состоит из произведений для взрослых и произведений для всех. Рассказы, написанные им для детей, – это как раз произведения для всех. И сегодня они, несомненно, современны и актуальны, потому что художественны. Многих читателей, к сожалению, вводит в заблуждение кажущаяся детскость (читай: примитивность) этих рассказов.

Кто из современных писателей на сегодняшний день продолжает в своем творчестве развивать «толстовские» мотивы?

– На этот вопрос ответить не могу, так как не понимаю, что такое «толстовские» мотивы. Сравниваю расы

сказы «Прыжок», «Лев и собачка», «Пожар», «Косточка», «Акула», миниатюры из «Азбуки» и не могу найти общих мотивов.

Как на вашем творчестве отразились детские рассказы Толстого? А в жизни что-то изменили?

– Детские рассказы Толстого поражают меня своей завершенностью, отточенностью, лаконичностью. Хочется писать так же экономно и содержательно.

А в жизни детские рассказы Толстого что-то изменили?

– В моей жизни многое изменила «Косточка», а вслед за ней – «Пожар», «Прыжок» и другие рассказы. Читая с детьми «Косточку», я однажды увидел, что школа обманула меня, внушив, что рассказы Толстого – это примитивное морализаторство, поучения для детей. Стал интересоваться методиками формирования читательских потребностей и способностей и понял, что ни у детского сада, ни у школы нет таких методик. Вот тогда и бросил инженерную работу и пошел в педагоги.

Какой из детских рассказов Льва Толстого для вас наиболее знаковый, значимый и почему?

– На этот вопрос я уже ответил: наиболее знаковый для меня рассказ – «Косточка», потому что именно эта новелла помогла увидеть, что у школы нет методики общения к чтению художественной литературы. Я люблю «Косточку» и с удовольствием читаю ее детям. А потом разговариваю с ними о ней и о них, об их чувствах и мыслях, навеянных этим произведением. Каждый такой раз разговор добавляет что-то к моему восприятию Л. Н. Толстого. Чтобы убедить родителей и педагогов в том, что «Кос

сточка» не примитив, я написал когда-то педагогический очерк «Что случилось с «Косточкой»?», который приведу в сокращении.

Что случилось с «Косточкой»?

Как будто не случилось ничего особенного. Сначала Ваня не признавался, но потом проговорился: «Нет, я косточку бросил за окошко». Хрестоматийная история – специально для маленьких школьников: все понятно даже самым слабым ученикам. На уроке – никаких хлопот. Учителя младших классов охотно используют это произведение для формирования у детей навыков беглого чтения. Но неужели Лев Николаевич Толстой сочинял и публикует вал свою миниатюру только для этого?

Давайте вспомним.

Л. Н. Толстой
Косточка
(Быль)

Купила мать слив и хотела дать их детям после обеда. Они еще лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Пыль ред обедом мать сочла сливы и видит – одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

– А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

– Нет.

Ваня покраснел как рак и сказал тоже:

– Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

– Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

– Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Передо мной восьмилетние школьники.

– Ребята, многие из вас, наверное, знают, что Лев Николаевич Толстой был не только писателем, но и педагогом, учителем. В своем имении Ясная Поляна он велел построить школу для детей и сам иногда занимался с ними. Для своих учеников Лев Николаевич написал «Русскую азбуку» и другие книги.

Был среди историй, которые Лев Толстой сочинил для знакомых и незнакомых детей, и маленький рассказ «Косточка». Послушайте его.

Читаю.

– Понравился рассказ.

– Понравился.

– Как вам кажется, вы все поняли?

– Да.

Спрашиваю по-другому:

– Поговорим об этом рассказе? Или с ним все ясно?

– Все ясно.

– Все так считают? – не понимаю я. Ребята отвечают удивленно:

– Все!

– Значит, все, – констатирую я. И добавляю с нажимом: – Запомните, что вы сказали! Запомнили?

Пауза.

– Тогда продолжим разговор. Когда Лев Николаевич Толстой сочинил этот рассказ, он не только прочитал его

знакомым детям, но и поместил в свою книгу. А потом «Косточку» часто включали в разные книги для детей.

После этого сообщения задаю важнейшие вопросы:

– Как вы думаете, зачем Лев Николаевич написал этот рассказ и включил его в книгу для детей? И зачем я сейчас прочитал его вам?

Детям эти вопросы кажутся несерьезными, потому что ответы очевидны:

– Толстой учит нас не брать без разрешения.

– Он учит нас признаваться, если сделал что-нибудь плохое.

– Тайное всегда становится явным.

И еще:

– Толстой учит нас не глотать сливы с косточками.

Я много раз слышал подобные ответы не только от детей, но и от взрослых. И каждый раз это огорчало.

– Выходит, если бы вам сегодня не повезло, если бы когда-то Лев Толстой не успел написать и напечатать этот рассказ или я не принес бы и не прочитал вам «Косточку»...

Ребята насторожились, а я заканчиваю мысль:

– ...вы продолжали бы брать без разрешения, то есть воровать? Не признавались бы в этом? И глотали бы сливы с косточками?

– Нет, – со смехом возражают дети. – Мы и так знаем, что нельзя брать без разрешения!

– Да? Тогда выходит, Лев Толстой написал этот рассказ зря?

Дети задумываются, и я люблюсь ими, но не спешу на помощь.

Наоборот – строю новую ловушку:

– Скажите, пожалуйста, как обычно писатель изображает действующее лицо, если хочет, чтобы мы НЕ подра

жали этому персонажу, НЕ совершали таких поступков, какие совершает он? Привлекательным? Симпатичным? Или непривлекательным? Неприятным?

– Неприятным! – уверенно отвечают дети.

– А Ваня из «Косточки» вам нравится?

– Да.

– Вы уверены? А можете найти то место рассказа, где вы почувствовали, что Ваня вам симпатичен?

Кто-то отвечает:

– Ваня никогда не ел слив и все нюхал их.

Другой поясняет:

– Он кажется похожим на маленького котенка или щенка. Его хочется защищать.

– И я так почувствовал. Выходит, Лев Толстой действительно сделал Ваню симпатичным. Но это означает, – веду я свою линию, – что писатель вовсе не хотел, чтобы поступали НЕ ТАК, КАК Ваня? Получается, что рассказ вовсе не учит вас НЕ БРАТЬ тайком?

Задумались. Выдерживаю небольшую паузу и продолжаю:

– Думаю, Лев Николаевич не стал бы писать рассказ ради того, чтобы напомнить вам о таком известном: воровать нельзя. Ведь он был учителем и, конечно, понимал, что вы об этом сами знаете. Зачем же Лев Толстой записывал нам этот рассказ, а я принес «Косточку» в класс и прочитал с вами?

Теперь пауза длится подольше.

– У меня, как вы догадываетесь, есть предположения на этот счет, и я могу ими поделиться с вами. Но вам, наверное, хочется открыть смысл рассказа самим?

– Самим! – радуют меня второклассники.

– Тогда я чуть-чуть помогу вам. Но не объяснениями, а новыми вопросами и заданиями, – предлагаю я ребятам.

– Сейчас я прочту начало «Косточки» не совсем так, как у Льва Толстого. Не глядя в свои «Книги для чтения», постарайтесь заметить, что я изменил в рассказе.

Читаю:

– «Купила мать слив и хотела дать их детям после обеда. Ваня никогда не ел слив. Он не удержался, схватил одну и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит – одной нет. Она сказала отцу». Что я изменил в начале рассказа?

– Вы пропустили про то, как Ваня нюхал и ходил мимо слив.

– Верно. Но ведь и без того все понятно, правда?

Мнения детей разделились:

– Да, все понятно.

– Правда, понятно, но только без этого нам неизвестно, что Ваня нюхал, как котенок.

– И тогда Ваню не жалко.

– Тогда он не такой симпатичный, как у Льва Толстого.

– Ладно, так и быть, – соглашаюсь я, – верну в рассказ слова «...и нюхал их». (Читаю снова.) После этих слов со мной совершенно ясно, что Ване сливы очень нравились. Верно?

– Да.

– Зачем же Лев Толстой именно это, совсем понятное, здесь повторяет. Зачем он пишет: «И очень они ему нравились»? А вслед за этим лишним предложением пишет то, что уж совсем-совсем понятно: «Очень хотелось съесть». И когда мы уже три или четыре раза все поняли, автор повторяет опять ту же мысль: «Он все ходил мимо слив». Может быть, Лев Толстой не умел писать коротко? Или случайно не заметил, что повторил одно и то же несколько раз? Не убрать ли нам из «Косточки» что-нибудь лишнее? – И Льву Толстому поможем писать короче, и читателям будет поменьше читать, и в книге освободится немного бумаги для какой-нибудь поговорки, например?

Дети решительно протестуют.

– Нет! Все это нужно! Ваня знал, что нельзя брать, но ему очень хотелось. Он боролся с собой!

– Все это почувствовали? И я тоже. А ведь у автора про Ванины чувства нет ни единого слова! Нигде не написано: «Ваня переживал, колебался, сомневался, стыдился...» Наверное, Лев Толстой потому этого не написал, что маленький Ваня сам о своих чувствах ничего не может сказать словами. Он, скорее всего, и слов таких пока не понимает: «колебаться, сомневаться, переживать». Автор пишет только о том, что Ваня делал или чего не делал: «нюхал, ходил, не удержался». А мы представы ляем себе движения Вани, его поведение и начинаем чувствовать его переживания, колебания, сомнения. Вот как удивительно пишет Лев Толстой! Правда, дважды автор все-таки говорит о чувствах Вани, но только то говорит, в чем и писатель, и Ваня уверены, что маленький мальчик мог сам сказать о себе: «И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть». Кстати, как вам кажется, можно ли было о том, что «очень хотелось съесть», сказать как-то по-другому? Ну, например, так: «Ваня очень хотел съесть сливу».

Дети мысленно заменяют в рассказе предложение Л. Толстого моим вариантом.

– Нет, – отвечает один из ребят. – Так было бы неправильно.

Я поддерживаю это мнение и формулирую то, что второклассники, вероятно, почувствовали:

– Конечно, Ваня именно НЕ ХОТЕЛ есть сливу. Он как раз ОЧЕНЬ НЕ ХОТЕЛ ее есть! Но... Ему ХОТЕЛОСЬ! Лев Толстой замечательно точно об этом написал. А вслушайтесь в следующее поразительное предложение. Так и чувствуешь, что движения у Вани сначала замедленные, скованные, как будто его кто-то удерживает: «Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну

сливу и...» И такая долгая подготовка внезапно стремительно завершается коротеньким «съел!» Один звук! Как «бульк!» Хорошо Ваня распробовал вкус сливы? Получил удовольствие?

– Нет, – комментируют дети. – Он ничего не успел.

– Он только испугался.

– Он стоял с вытаращенными глазами...

– Как будто сам удивлялся.

– А мне кажется, – говорит Маша, – что он и в самом деле проглотил сливу с косточкой.

– Интересная догадка, – признаюсь я. – Мне это раньше не приходило в голову. Давайте, ребята, перечитаем рассказ и проверим, подходит ли Машина догадка.

Пробегаю глазами «Косточку».

– Кажется, Маша, ты все-таки не права. Ведь Ваня говорит, что выбросил косточку, а он, по-моему, обманывать не умеет. Но мы еще подумаем. Может быть, я ошибаюсь. Во всяком случае, ты умница, что все так живо себе представляешь. Скажите, ребята, вы все представляли себе, что переживал Ваня, когда не решался взять сливу, и потом, когда ее съел?

– Да, представили.

– Мы как будто сами это переживали.

– А как вам кажется, почему с чувствами мальчика так кое происходило: сначала колебался, боролся с собой, а потом стало стыдно? Что вы думаете теперь о Ване?

– Он теперь как будто знакомый, как будто мы его давно знаем.

– Он стал как младший брат.

– А какой он человек, вы можете сказать?

– Он честный. Ему очень хочется слив, но он старается их не брать.

– Он маленький, но уже честный.

– А как вы думаете, сколько ему лет?

После обсуждения дети приходят к выводу, что герою «Косточки» четыре^{ре}пять лет. Его братья и сестры старше. Они, как видно, ели сливы в своей жизни. Но, наверное, сливы в этой семье – редкость. Мама купила их по счету – чтобы всем поровну. Вот почему она перед обедом переы считала (сочла) их.

– Как, поывашему, догадалась она, кто взял сливу?

– Да! Ваня взял!

– Выытопрочли об этом, а как мама догадалась?

– В этой семье все честные, если даже маленький Ваня так долго терпел, удерживался, чтобы не взять без спрой су. Но у него слабая воля. А старшие дети точно бы удеры жались.

– Значит, и отец догадался, кто взял сливу, и старшие дети?

– Конечно.

– Зачем же отец об этом спрашивал?

– Он хотел, чтобы Ваня сам признался, чтобы он осталы ся честным.

– Он хотел помочь Ване признаться. У Вани была слаы бая воля. Он не удержался и взял без разрешения, потоы му что удержаться ему было трудно. А признаться – еще трудней. Все хотели помочь Ване.

– А как вы думаете, когда Ваня заплакал, а все засмеяы лись, то это был злорадный смех? Все смеялись над Ваы ней? Радовались тому, что он проговорился?

– Нет, все обрадовались тому, что Ване больше не буы дет стыдно.

– Все смеялись с облегчением. Все любили Ваню.

– Очень хорошо. А теперь сыграем так. Пускай кажы дый представит себя в рассказе, в этой семье. Все сели за стол, и ты (каждый из вас) – среди них. Отец и говорит: «А что, дети, не съел ли ктоынибудь одну сливу?» И ты, конечы но, сразу догадываешься, кто съел. Так вот, мой вопрос: ты подкажешь отцу?

– Нет.

– Почему же? Отец ведь всех спрашивает. А ты знаешь, что украл сливу Ваня. Очень плохо поступил. Да еще теперь тебе то может и не хватить сливы! Он у тебя сливу украл. Пускай отец его накажет!

– Я все равно не сказал бы!

– И я!

– Почему?

– Он маленький, он честный и добрый, но не смог удержаться. Жалко его. Он очень испугался и сам переживает.

– Неужели вы уже такие взрослые, такие великодушные, что простили бы малыша?

– Да! – ликуют второклассники.

– А приятно прощать маленького?

– А раньше вы о себе знали, что вы такие взрослые, сильные, великодушные?

– Может быть, догадывались.

– Часто у вас бывало, чтобы вы могли это проверить? Часто вам предоставлялся случай кого-нибудь простить: животное, малыша или старенького человека?

Задумываются и признаются:

– Нет, не часто...

– Видите, а сегодня вы смогли убедиться в том, что вы – взрослые, сильные, добрые, великодушные. Сегодня вы – пускай только мысленно! – простили малыша и почувствовали, как приятно прощать. И я о вас узнал, что вы великодушные. И это – благодаря Льву Николаевичу Толстому. Вот какой подарок он нам сделал. Вот что умеет «Косточка». Вот зачем Лев Толстой написал ее. А напомним, что брать тайком стыдно, можно и без рассказа. Правда? Что ты хочешь сказать, Маша?

– Я думаю, что Ваня все-таки проглотил косточку. А почему сказал, что выбросил ее, чтобы все не волновались. Он знал, что его все любят и волнуются, чтобы он не умер из-за косточки.

– Ты очень интересно почувствовала, Маша. Я не знаю, правда, права ли ты, это надо еще обдумать, но это очень интересно. И вообще, ребята, мне было интересно и приятно обсуждать этот рассказ с вами. Он мне и раньше нравился, а теперь нравится еще больше. А вам?

– И нам.

– Так стоило его обсуждать? простой рассказ?

– Сложный. В нем много секретов. Наверное, еще остались секреты, которых мы не открыли...

– Перечитаем?

Все слушают с таким вниманием, будто впервые.

– Можно вопрос? Мне понравилось, что рассказ открыл мне про меня, что я такой... могу прощать. Но, может быть, Лев Толстой не для того его писал?

– Да, Сережа, наверное. Лев Николаевич Толстой, когда начинал писать «Косточку», конечно, не говорил себе: «Сейчас напишу рассказ для того, чтобы дети могли узнать о себе, великодушны ли они». Он этого не говорил и не думал, но, мне кажется, ему хотелось, чтобы дети были великодушными и чтобы они знали о себе это. И, по моему, у него это получилось. Ты ведь это почувствовал на себе?

– Да.

– Но, скорее всего, в «Косточке» могут обнаружиться и другие смыслы. И, думаю, в каждом хорошем произведении содержится много замыслов. Разные читатели могут открыть для себя в нем разное. Когда я стал учителем и впервые перечитал «Косточку», я почувствовал, какое это счастье, если между взрослыми и детьми такие отношения – любви, уважения, доверия. Вот какой замысел Льва Толстого оказался самым важным ДЛЯ МЕНЯ.

* * *

Эпилог для взрослых читателей этого очерка

Вовсе не считаю, что возникшая на нашем уроке трактовка «Косточки» – единственно верная. Более того, так уж важно, к какой догадке о «замысле писателя» мы пришли. У вас, безусловно, могут быть и другие sprawy ведливые версии. Да и каждый из маленьких участников нашего обсуждения со временем может воспринять этот рассказ иначе. Важно, что дети не только непосредственно восприняли «быль» Л. Н. Толстого, не только непосредственно сопереживали персонажам рассказа, но и соотнесли свои переживания с текстом и убедились в том, что именно текст вызвал у них эти переживания. В результате своего духовного труда второклассники приобрели читательский опыт мысленного общения с автором, опыт проникновения в авторский замысел. «Косточка» позволила им услышать писателя. И это главное.

Татьяна Рудишина

Об интересе современных детей к чтению, о детских библиотеках, классиках и современниках мы решили поговорить с главным библиотекарем Центральной городской детской библиотеки им. Гайдара Татьяной Рудишиной

Здравствуйте, Татьяна Валерьевна! Скажите, пожалуйста, ста, к вам в детскую библиотеку приходит много детей? Что из литературы чаще всего берут?

– Дети в библиотеку приходят. Многомало – понятие относительное. Меньше, чем 10 лет назад, когда в библиотеке толькотолько открылся интернеткласс, а персональный компьютер не стал нормой жизни каждого московского школьника. Да и состав читателей очень неоднороден и тоже изменился в последнее время. Есть дети микрорайона – но это очень немного. Плющиха – улица банков и офисов, а не новостроек. Есть дети офицеро в Академии Фрунзе – наши постоянные читатели на три года обучения пап. Есть дети мигрантов – очень активная категория читателей. Родителям этих ребят, для которых русский – не родной язык, очень важно, чтобы их ребенок «встроился» в новую для их семьи реальность. Есть заинтересованные учителя и воспитатели детских садов, готовые регулярно приходить в библиотеку со своими классами и группами. Но их стало меньше. Московские законодательные инициативы в области образования сделали походы в библиотеку сложными, так как, перед тем как выйти за порог школы, учитель должен оформить множество бумаг (кого, куда, на сколько времени и под чью ответственность ведет из школы). Довольно большая и очень интересная группа дошкольников, не посещающих детские сады. И приводят реже мамы, чаще – няни. Тоже новая реальность Москвы. Но, пожалуй, самая для нас отрадная группа читателейдетей и подростков и заинтересованных родителей, готовых в Гайдаровку приезжать из других районов города и даже из Подмоскovie, чтобы быть в курсе новинок детской литературы, чтобы поучаствовать в творческих конкурсах и программах библиотеки, встретиться с писателем, очутиться на вернисаже. Это посетители выходного дня.

А берут разное: и к уроку, и новинки, и книги маминого/бабушкиного детства.

Нужны ли нам сегодня детские библиотеки? По последним данным в нашей стране закрывается много библиотек. С чем это связано? С потерей интереса к чтению или с иными причинами? Число детских библиотек в России после принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» уменьшилось на 400. Как вы можете это прокомментировать?

– Детские библиотеки, к сожалению, закрываются. Этот процесс не коснулся Москвы. Надеюсь, что московский закон «О библиотечно-информационном обслуживании населения города Москвы» сработает и уберезит город от непродуманных действий. Современная библиотека обретает новые функции – она становится уникальной территорией детства с книгой, интеллектуального досуга, детской субкультуры.

Закрытие библиотек – это вопрос недостаточного финансирования, а если тот или иной социальный объект долгое время недофинансировать, рано или поздно он придет в негодность. И, наоборот, как изменились к лучшему (и внешне, и ресурсно, и даже психологически) детские библиотеки Москвы, попавшие в программу модернизации библиотек и в программу создания интеллектуальных центров на базе библиотек.

Если детские библиотеки объединить со взрослыми или юношескими, это может повлиять на посещаемость этих учреждений детьми? А взрослыми? Почему?

– Если вы строите новый город в чистом поле, то было бы разумно предусмотреть публичные библиотеки с разветвленной структурой, где были бы и взрослые, и молодые дежурные и детские территории, фонды и соответствующие специалисты. Но мы имеем данность – самостоятельные

небольшие библиотеки в сложившейся инфраструктуре города. На базе одной территории слить две библиотеки? Ущерб будет нанесен и тем и другим. Другое дело некоторое разумное перераспределение в мегаполисе. Но это социально-экономические вопросы. Сложные и многоуровневые. И решения тоже должны быть многоуровневые.

Тогда получается, что реальные действия чиновников и Национальная программа развития чтения противоречат друг другу?

– Почитайте московский закон «О библиотечном информационном обслуживании населения города Москвы» – документ хороший, и рекомендации РБА (Российской библиотечной ассоциации) под названием «Руководство для детских библиотек России» – тоже очень хороший документ. И Национальная программа развития чтения – кто против? А вот с механизмом реализации этих замечательных документов – сложнее.

Более ста лет назад от нас ушел в вечность великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Скажите, Татьяна Валерьевна, сегодня рассказы, написанные им для детей, так же актуальны? Почему?

– Со Львом Николаевичем Толстым – это лучше не ко мне. Для меня он взрослый. Все его «Азбука», «Косточка», «Лев и собачка», «Филипок»... не знаю. Для меня все-таки эти рассказы – больше история педагогики и детской литературы. Иллюстрация к эпохе. С удовольствием читаю с детьми Толстого, но в контексте Ясной Поляны или Хамовников.

Кто из современных писателей на сегодняшний день продолжает в своем творчестве развивать «толстовские» мотивы?

– Как филолог филологу – найти мотивы при желании можно. Но зачем?

Как на вашей жизни, вашем миропонимании отразились детские рассказы Толстого?

– Мне как-то больше из классиков Пушкина, Тургенева и Чехова в детстве читали.

Как вы считаете, трилогию «Детство, Отрочество, Юность» дети должны изучать в школе? Почему? Что это, по вашему мнению, биографическая проза или нечто иное?

– С хорошим учителем хоть «Слово о полку Игореве», хоть «Грозу» – все хорошо получится. А со среднестатистическим можно «убить» даже самые подростковые проходимые вещи – «Героя нашего времени», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку».

Какой из детских рассказов Льва Толстого для вас наиболее знаковый, значимый и почему?

– Видимо, «Косточка». Как пример того, как не надо выстраивать семейное воспитание.

Что бы вы еще хотели сказать об этом писателе?

– Толстой – великий, но взрослый, взрослый, ВЗРОСЛЫЙ!!! Недавно перечитывала «Хаджи-Мурата». Очень хорошо. Мой Толстой – это Толстой «Войны и мира» и почти не «Анны Карениной».

Зачастую мы слышим о том, что книг современных детских писателей практически не выпускают. Издательства предпочитают выпускать классиков. Так ли это? Книги каких современных детских писателей наиболее охотно берут в библиотеках дети?

– Выпускают выпускают. И крупные издательства, и небольшие. Хочется сказать добрые слова в адрес издательств «Самокат», «Время», «Розовый жираф», «Априорипресс», «Эгмонт», «Нарния». Однако мизерные тиражи, с одной стороны, незнание большинством этой самой современной детской подростковой литературы – с другой, и создает впечатление отсутствия таковой.

Из новинок любимыми стали книги Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее», читаются все повести Екатерины Мурашовой, Валерия Воскобойникова. С удовольствием назову еще ряд имен: Ксения Драгунская, Станислав Востоков, Артур Гиварыгизов, Светлана Лаврова, Олег Раин, Дина Сабитова, Сергей Седов. Говорю не голословно, а по итогам разныообразных читательских голосований. Такие голосования устраивают наша библиотека, детские библиотеки Ленинградской области, Нижнего Новгорода.

Всегда были и остаются читатели у Тамары Крюковой, Владислава Крапивина. Они – наши современники, очень востребованные. Но литература и жизнь идут впеьред. И сегодня уже можно говорить о прозе 30летних.

Проводите ли вы в библиотеке встречи с авторами или эта практика уже устарела?

– Традиция и практика проводить встречи с писателями – ни в коей мере не устарели. И это ежемесячно подтверждают встречи в Гайдаровке, которые проходят в одно из воскресений в 12.00 для детей и родителей. Не меньший интерес вызывают «Литературные пятницы» для

библиотекарей, куда мы приглашаем профессионалов и даем возможность встретиться с молодыми авторами, почувствовать, куда движется литературный процесс.

Как, по вашему мнению, должна выглядеть Национальная программа развития чтения? Как она реализуется в вашей библиотеке?

– Вопрос очень общий, глобальный. Это лучше к идеологиям и разработчикам программы.

Ваши пожелания юным читателям и их родителям.

– Читать. Не бросать это трудное, но прекрасное занятие. Получайте УДОВОЛЬСТВИЕ от чтения!

Захар Прилепин о своей новой книге «Леонид Леонов. Игра его была огромна»

Захар, недавно в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ вышла ваша книга «Леонид Леонов. Игра его была огромна». Как у вас появилась идея создания этой книги? Почему именно Леонов? Неужели судьба советского классика до сих пор может интересовать современного читателя или это маркетинговый ход в вашей собственной писательской кампании? Ведь книга уже вошла в длинный список национальной литературной премии и имеет все шансы войти и в шорт-лист?

– Бог ты мой, словаго какие – «маркетинговый ход»! Это какое надо иезуитское иметь мышление, чтоб напиы

сать книгу о, скажем прямо, несколько позабытом советском писателе, с целью какьто раскрутить самого себя!

Если б я хоть скольконибудь думал про этот вот маркетинг – я бы написал тогда очередную биографию Есенина или Высоцкого. Но мне, знаете, в голову не приходит какие-то свои шаги просчитывать.

Я представления не имею, интересует ли судьба Леонина современного читателя, мне, честно говоря, вообще нет никакого дела до предпочтений читателя. Просто я считаю Леонина великим писателем, и чтение его книг доставляет мне душевную радость и эстетическое удовольствие. Естественно, что когда-то после прочтения его романов мне захотелось узнать, как он жил, – я стал навещать какие-то книжки о нем, воспоминания...

А потом случайно познакомился с Димой Быковым, мы выпивали и разговорились о Леонине. Оказалось, не только я, но вот и Быков считает Леонина гениальным. Тут Дима и говорит: «Слушай, а напиши его биографию?» Быков как раз тогда писал своего «Пастернака». Я говорю: «Да ладно, прекрати, какой я биограф!» Но Быков не останавливается, если он чего-то хочет. Он тут же набрал по мобильнику «Молодую гвардию» и сообщил им радостную новость: «Есть такой писатель Захар Прилепин, он будет вам писать Леонина». Это было году в 2006м, кажется. Или даже в 2005м. У меня тогда только вышел первый роман, обо мне толком никто не слышал еще.

В «Молодой гвардии» несколько скептически отнеслись и ко мне, и к Леонину... Но договор подписали.

Как долго вы работали над этой книгой? Считаете ли вы, что вам удалось это жизнеописание?

– Четыре года я писал Леонина. И вполне мог бы писать еще четыре. Когда зарываешься в материал – понимаешь, что за каждым поворотом тебя ожидает что-то новое

вое. Тем более Леонов 95 лет прожил – сами понимаете. Вроде пишешь биографию одного человека, а получается, что ненароком историю целого столетия приходится разжевывать.

Удалось жизнеописание или не удалось – я не знаю. Я не могу на эту книжку отстраненно посмотреть. Года через три возьму, почитаю – тогда решу.

В любом случае жизнеописания – это специфические тексты. Они изначально требуют хотя бы минимальной заинтересованности читателя в объекте описания. Если человек ни сном ни духом кто такой Леонид Леонов – ему будет, наверное, несколько трудно. Впрочем, у меня там активно действуют Сталин, Горький, Есенин, Булгаков, Шолохов, Солженицын, гражданская война описывается, махновщина, репрессии... Много там всего любопытного. Так что, может, я напрасно опасуюсь.

Что лично вам как писателю и человеку дало изучение документов, биографии и творчества Леонида Леонова?

– Какие-то вещи для себя я уяснил еще раз. Что за любой успех приходится платить. Что критики, бросающиеся на писателей как бешеные собаки, – они были всегда, и их стервозное внимание зачастую лишь признак качественно сделанной работы. Что у человека может быть не одна биография, а две. Вот как у Леонова, где снаружи орденосный, монументальный совпис, а внутри – человек трагический, умнейший, с неоднозначной судьбой, автор сложнейших, многоуровневых сочинений.

Насколько вам близка фигура этого писателя? Изменили ли вы свое мнение о нем или просто дополнили новыми штрихами к портрету?

– Ну, по составу мы весьма разные люди. Леонов жил отшельником, был мастер на все руки, выращивал какие-то растения небывалые, кактусы редчайшие разводил, спиртного не употреблял, на мир и на человека вообще смотрел, скорей, мрачно – короче, полная противоположность мне в каком-то смысле. Я живу на людях, терпеть не могу физической работы, мир, окружающий меня, – солнечный и пьяный, и в прямом и в переносном смысле. А кактусы я терпеть не могу.

Может, отчасти эти вещи притягивают – хочется понять что-то изначально очень непонятное, разгадать рисунок чужой судьбы, чужой души человеческой...

В своем предисловии вы пишете: «Сказанное Леоновым таит великое количество пророчеств». Что вы имели в виду? Поясните, пожалуйста.

– Леонов в своих сочинениях достигал порой необычайной плотности мысли – лучшие его тексты написаны на грани человеческих возможностей. Это можно сравнить со священными книгами. Такой текст можно читать ежевечерне – и всякий раз будешь совершать новые открытия. Я так леоновскую «Пирамиду» или ранние рассказы его читаю с любого места.

У Леонова есть вещи с элементами фантастики – роман «Дорога на Океан», где он, например, подробно расписал третью мировую войну и, кстати, предугадал создание радара.

У него есть пророчества метафизические, касающиеся взаимоотношений Бога и человека, судеб человечества. Причем пророчества эти «в обе стороны» – касаются и прошлого, и будущего. Леонов предлагает свои, крайне любопытные, возможно еретические трактовки деяний Господа нашего, свою модель Вселенной описывает – и прочее. Я не буду за него пересказывать, это неблаго-

дарное дело – читайте Леонова. Думаю, в том, что это был очень вдумчивый и далеко видевший старик, нам придется еще много раз убеждаться.

А самый поверхностный слой – это его социальная провозорливость: и будущее социалистического эксперимента ему вполне открылось уже в 20-е годы, и о катастрофических последствиях начавшейся в 80-е «перестройки» он начал говорить одним из первых, и замечательную, провидческую пародию на западную цивилизацию – «Бегство мистера МакКинли» сделал еще полвека назад – но меня это все, если честно, куда меньше интересует, чем леоновские религиозные ереси и его космогония.

Не кажется ли вам, что бывший белогвардейский офицер просто лицемерил и «спасал свою шкуру» и его производственные романы, особенно в нынешние времена, не имеют какой-либо художественной ценности? То, что о нем написано множество научных работ, а его книги переведены на все основные языки мира, может означать более интерес к истории, в том числе и к истории литературы, а не к самой фигуре писателя... Ваше мнение...

– Нет, мне так не кажется. «Производственные романы» – это всего лишь штамп, ничего в случае Леонова не означающий. Леонов писал вдохновенные и, повторюсь, наимрачнейшие книги о гигантском социальном эксперименте над человечинной (его словцо). И позволял себе такие ереси, что не то чтоб «спасал шкуру», – а напротив – старательно и последовательно ею рисковал.

Мы же Леонова воспринимаем из дня сегодняшнего – как наиуспешнейшего совписа. Но он успешным писателем стал только после Отечественной войны – все 30-е годы его буквально рвали на части, на 10 статей приходилось 9 разгромных, во второй половине 30-х перестали

выходить его романы, ранняя проза – многие вещи лет по 20 не публиковались вообще. Всем известно про постановления о журнале «Звезда», коснувшееся Ахматовой и Зощенко, но никто не вспоминает, что в 1940 году было постановление Политбюро – за подписью Сталина и его приближенных – о «клеветнической пьесе Леонова «Метель»... Это был разгром пострашнее того, что случился с Анной Андреевной и Михаилом Михалычем... «Метель» – вещь действительно жуткая: в самый разгар репрессий Леонов умудрился написать пьесу о репрессиях. Нужно быть очень, как сейчас говорят, безбашенным, чтоб такие вещи себе позволять. А он позволял себе такое, что – я настаиваю! – вообще себе никто не позволял тогда.

Кстати, после войны, когда в СССР и думать не могли такие пьесы ставить, – во всех странах соцлагеря постановки по Леонову шли с огромным успехом. На какое-то время он, как драматург, в Европе стал популярней и Чехова и Горького.

Что до художественной ценности... Леонова считали учителем, почитали за гениального литератора и Астафьев, и Бондарев, и Валентин Распутин... Я и в своем вкусе не очень сомневаюсь, а во вкусе лучших русских писателей столетия тем более сомневаться не стану. А как к нему Горький относился, Есенин почитал его за крупнейшего современного писателя, и Шолохов, конечно же...

Вы понимаете, потеря интереса к Леонову, к советской литературе, и вообще к литературе русской – это следствие большого идеологического фокуса. Запад старательно фильтрует идущую отсюда литературу. Советский XX век фактически запрещен, он закрашен черной краской и забит досками. Принимаются только Солженицын, чуть меньше Шаламов, Анатолий Рыбаков, Михаил Булгаков, дневники Цветаевой – и все. Там кровно заинтересованы в том, чтоб никто не предполагал, что советский век был не только трагическим, но и величественным, небывалым – всего этого не надо никому.

Собственно, и здесь, в России, тоже не надо – потому что с высот того времени смехотворный уровень сегодняшних наших геополитических притязаний слишком очевиден.

Леонов не «производственные романы» писал – он описывал эпоху создания новых божеств, и, право слово, читать это, особенно из эпохи нашего тотального мелкого темья, дико любопытно.

Вы пишете, что «Будучи в возрасте патриарха, Леонид Леонов сказал какьто, что у каждого человека помимо внешней, событийной, очевидной биографии есть биография тайная и ненаписанная». Удалось ли вам увидеть, прозреть ее? И если да, скажите читателям, что из этого тайного стало для вас наиболее значимым, знаковым откровением?

– С Леоновым – тот же случай, как с любым титаном – Достоевским ли, Толстым ли, Шолоховым, – тайную биографию его попробовал первым написать я, но уж точно последним я не буду. Многоэтажные леоновские тексты еще будут и будут исследовать, и раз за разом находить там то, что первым путешественникам, в том числе и мне, не открылось.

Я пока лишь снял верхний слой: выяснив, что Леонов был белогвардейским офицером, я внимательно отслеживал, как именно описывает в своих текстах он бывшую «контру», притаившуюся в советских реалиях. Получилось, что все эти бывшие белогвардейцы, кочующие у Леонова из романа в роман, так или иначе срисованы Леоновым с самого себя, и все их мрачные забавы и их жизнь – как у загоняемого волка – это леоновская жизнь, это пережитые им жуткие чувства.

А вы говорите «совпис», «производственные романы»... Да у Леонова шекспировские страсти кипят.

Как вы считаете, вы сами уже написали свою «главную» книгу или все еще впереди? Над чем вы сейчас работаете? Есть ли желание попробовать себя в иных жанрах?

– Да фиг его знает. Я написал уже почти столько, сколько Хемингуэй. И написанным, в общем, доволен. Свою «главную» книгу не я буду назначать – ее, если захотят, назначат читатели.

Я роман пишу, злой... Делаю это с некоторой неохотой.

Попробовать себя в других жанрах? Да, заманчиво. Я много раз говорил, что образцом в этом смысле для меня является Алексей Николаевич Толстой, который написал великий исторический роман, гениальную сказку, два фантастических романа, эпос, вещи в жанре классического реализма, а еще успел себя попробовать как поэт-символист... Молодчага просто!

Идеальный писатель – это который написал, скажем, «Дети капитана Гранта», «Прощай, оружие», «Сад расы ходящихся тропок» и «Замок».

Я бы тоже так хотел. Не умею, жаль. Но пытаться будем.

У литературы есть предназначение? В чем вы его видите? У вас есть претензии к современной литературе? Насколько вы следите за литературным процессом?

– Я слежу за литературным процессом и очень им доволен. В России безусловный литературный расцвет и отырицать его могут только ленивые и нелюбопытные люди. У нас есть минимум три писателя, достойные Нобелевской премии, – Битов, Лимонов, Распутин, да и Маканин тоже, да и Искандер тоже, да и чего бы Улицкой не дать, и уж тем более Петрушевской... У нас есть Пелевин и Соы

рокин, как бы мы к ним ни относились. Ну и ежегодно в России появляется классический роман. Последние, мной прочитанные: «Язычник» Тулянина, Кузнецова, «Блудо и МУДО» Алексея Иванова, «Каменный мост» Терехова.

Предназначение литературы – это не ко мне. Я пишу, что думаю и что хочу, – и за это мне платят деньги. Вполне достаточно для внутренней мотивации.

Вообще писатель фиксирует душевное состояние чьего-либо человека в данный момент. Кроме писателя никто это не сделает, никакой врач. И потом можно будет сверить, как билось человеческое сердце в XV веке, а как в XXIм.

«Здесь со своей болью обитаю я», как Леонов говорил. Вот о чем мы так все пишем – где мы обитаем со своей болью и как мы ее переживаем.

У Леонида Леонова, как говорят исследователи его творчества, был свой яркий, неповторимый стиль. А у Захара Прилепина он есть? Вы сами чувствуете некие особенности вашего письма? Повлиял ли на ваш стиль Леонид Леонов? Кого из русских и зарубежных писателей вы можете определить для себя как учителей?

– У меня есть свой стиль, своя интонация, и уже появились подражатели и пародисты. Пародисты – это хорошо, это значит, что есть, что пародировать.

Я бы не сказал, что я у кого-то учился писать. Я хотел бы писать, как Гайто Газданов – гениальный стилист, любимый мой писатель, или как Анатолий Мариенгоф – тоже восхитительный тип, или как поздний Катаев – пальчики облизнешь, как его «мовистские» повести написаны... Но я так не умею, поэтому пишу как пишу.

Скажите, Захар, насколько портрет великого классика, по вашему мнению, получился беспристрастным? Или «прилепинская» оценка тайно или явно присутствует в тексте?

– А с чего это мне быть беспристрастным? Я беспристрастным был, когда на кладбище работал. А тут я имею дело с писателем, которого люблю. Чего бы мне не попытаться «заразить» этой любовью читателя?

Хотя о безоговорочной любви речь не идет, конечно. Я, например, очень скептически отношусь к самым известным книгам Леонова – романам «Барсуки» и «Русский лес». Мне кажется, что в конечном итоге они только навредили ему. Читать их по большей части и тошно, и дремотно. Посему я призываю всех начинать читать Леонова с цикла «Необыкновенные рассказы о мужиках», потом перейти к повестям «Белая ночь», «Саранча», «Evgenia Ivanovna», а потом уже к романам «Вор», «Довы рога на Океан», «Пирамида»...

Тут уж любой человек, любящий русский язык, не может не порадоваться.

Есть ли какие-то факты из жизни писателя или ваши собственные выводы, на которые вам бы хотелось указать особо? Не осталось ли ощущения, что книга сдана на в печать, а надо было сказать еще одно, другое, третье, добавить какую-то деталь, поставить не точку, а многоточие?

– Не, такого ощущения нет. Я чувствовал, что тащу на себе что-то вроде плиты, и пора уже ее положить на место, а то хребет надломится.

Все, что я хотел сказать, я сказал. А выводы мои читайтесь в книжке, что я их разбазаривать буду.

Иосиф Райхельгауз

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ – режиссер, педагог, автор инсценировок и статей. Народный артист Российской Федерации (1999), заслуженный деятель искусств (1993), профессор Рочестерского университета (США), профессор Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова (1998). В 1973 году окончил ГИТИС (курс А. А. Попова и М. О. Кнебель). В тот же период Иосиф Райхельгауз совместно с Анатолием Васильевым руководил театром-студией на Мытной улице – Второй Арбузовской студией, где родилась «новая волна» современной драматургии. С 1973 по 1979-й и с 1985 по 1989 год – режиссер театра «Современник». С 1977-го Райхельгауз – режиссер-постановщик и член режиссерской коллегии театра им. Станиславского. В 1989 году Райхельгауз основал московский театр «Школа современной пьесы» и является его художественным руководителем.

«Школа современной пьесы» – один из немногих театров в Москве, да и, пожалуй, во всем мире, где каждый год, уже восемнадцать сезонов подряд, выпускают премьеры по пьесам современных драматургов. И даже «Чайка» Чехова, которую поставил художественный руководитель этого необычного театра Иосиф Райхельгауз, играется вместе с «Чайкой» Акунина, а наряду с «Русским вареньем» Улицкой – пьеса молодого драматурга Александра Демахина «Бабий дом».

Драматургический конкурс «Действующие лица». В 2003 году по инициативе Московского театра «Школа современной пьесы» была учреждена Всероссийская премия за достижения в области драматургии «Действующие

лица». Конкурс проводится ежегодно. Работы принимаются с 1 января по 1 июня. 1 октября объявляются 10 лучших пьес года. 1 ноября на церемонии вручения премии «Действующие лица» объявляются победители конкурса. Десять лучших пьес публикуются в ежегодном сборнике «Лучшие пьесы конкурса «Действующие лица». Авторы трех пьесыпобедителей получают денежные призы.

Иосиф Леонидович, как у вас возникла идея о драматургическом конкурсе «Действующие лица»?

– Дело в том, что я лет десять тому назад был членом жюри литературной премии «Антибукер», которую возглавлял Виталий Товиевич Третьяков. Это была очень мощная, серьезная и интересная премия, которая открыла огромное количество талантливых драматургов, таких как Богаев, Гришковец, Сигарев. С уходом Третьякова эта премия развалилась, и я стал задумываться о том, что в России нет большой всероссийской драматургической премии. Это при том, что всякие разные маленькие конкурсы были: при каких-то газетах, при писательских организациях, при драматургических объединениях, но все они были областного значения, а крупной, широкой премии не было. Наш театр решил выступить учредителем, и вначале мы обратились к каналу «Культура», «Радио России», журналу «Огонек», журналу «Современная драматургия», к библиотеке Литературы и Искусства, и вот так вместе, всей компанией учредили эту премию. Конечно, нужны были деньги, и мы обратились к РАО «ЕЭС России», и надо отдать должное Анатолию Борисовичу Чубайсу, который очень хорошо понял наш замысел и написал очень интересное обращение к гражданам, о том, что он считает литературу и драматургию энергетикой нации. И они дали на премию деньги. А дальше мы посчитали, что конкурс должен быть для всех, не важно, сколько

вам лет и где вы живете, так как огромное количество наших драматургов живут сегодня и в Европе, и в Израиле, в Канаде, на Украине и т. д. Поэтому конкурс стал таким широким и на него действительно приходит несколько сот пьес. Если вы посмотрите на состав жюри любого года, то это жюри профессионалов, людей, которые заведомо обладают доверием драматургов. Любой из этих 10 членов жюри для драматурга желаем (чтобы именно он читал его пьесу), а тут происходит так, что лучшие сорок пьес читают все члены жюри – и артисты, и режиссеры, и критики. Это очень представительское и относительно объективное жюри, относительно объективное потому, что все идет на уровне собственного восприятия. Конкурс «Действующие лица» существует уже пять лет, и надо сказать, что он стал стабильным и внятными. Различных конкурсов довольно много, но они все специализированные: где-то новая драма, где-то ненормативная драма, документальная драма и т. п. А здесь нет никаких ограничений, кроме художественности, т. е. любой возраст, любая тематика, любая география. Здесь есть ограничение только в языке – мы просим не употреблять ненормативную лексику или употреблять ее минимально. Вот собственно и все. Поэтому не случайно в 2003 году среди победителей появляется 17-летний Саша Демахин, а в 2006-м – классик Людмила Улицкая и рядом с ней неизвестный автор из Кемерово Сергей Решетников с пьесой «Бедные люди, блин». И так почти всегда. Из нескольких сотен пьес форы мируются те самые сорок, и уже из них выявляется лучшая десятка, она представляет собой этакий срез современной российской драматургии, благодаря которому можно понять, о чем люди пишут, как они пишут, можно понять соотношение классической драмы с новой драмой, документальной драмы с политической драмой протеста, можно понять тенденции современной драматургии, ее язык и перспективу.

Удается ли вам найти, таким образом, действительно хорошие и талантливые пьесы для постановки? Насколько их много? Есть ли разница по сравнению с прошедшими сезонами: лучше – хуже?

– На сегодняшний день намечается тенденция профессионализации драматургов. Если в первый и во второй год было много графоманов, которые считают, что написать пьесу ничего не стоит, то сегодня конкурс все больше явно профессионализируется, больше грамотных пьес, отвечающих законам драмы и законам литературы, прежде всего.

Во многих литературных конкурсах произведения зашифровываются под номерами, у вас же они идут под фамилией автора. Не влияет ли фамилия известного драматурга на решение жюри, на предвзятое отношение к пьесе?

– У нас всегда десятьюдиннадцать членов жюри. Каждый из них на своем рабочем месте читает пьесы и решает их судьбу. Скажем, Чулпан Хаматова выбирает для себя роль, Галина Волчек, Олег Табаков, Сергей Юрский, Роман Козак выбирают пьесы для своего театра, да и я не исключение. Поэтому если любой из нас замечает некую пьесу и ему кажется, что эта пьеса незаслуженно не включена в сорок или даже в десять или даже в тройку призеров, то член жюри вправе настаивать на ее включении. Например, в конкурсе последнего года мы отобрали общими голосами сорок пьес, а потом все-таки каждый из членов жюри еще по одной, по две пьесы заставил всех прочесть. И небезрезультатно. Таким образом, оказалась залась, что совершенно зря не включена в сорок лучших пьес Александра Демахина «Утро». Я потребовал, чтобы ее включили. И все члены жюри включили «Утро» в де

сятку лучших пьес. Чулпан Хаматова считала, что пьеса грузинского драматурга Коба Цхакая «В поисках реальности с пультом от телевизора» незаслуженно незамечена. Практически Чулпан убедила членов жюри эту пьесу внимательнейшим образом прочитать, оценить и дать ей премию. И я думаю, что если хоть одному члену жюри покажется, что пропущено талантливое произведение, оно все равно возникнет. А так чтобы все десять членов жюри пропустили талантливую пьесу, вероятность мала.

Иосиф Леонидович, в одном из своих интервью вы говорили, что ваш театр в большей или меньшей степени лишен подковерных игр. Как вы считаете, можно ли это утверждение применить и к конкурсу «Действующие лица»?

– Да, конечно. Это абсолютно точно относится и к конкурсу. Мы разговариваем открыто, с пьесами в руках. Невозможно убедить в том, в чем люди не убеждены. Мне кажется, что эта пьеса очень хорошая, и я за нее головую, другое дело, что я могу ошибаться, могу остаться в меньшинстве, и это нормально. Мы ругаемся и ссоримся, некоторые члены жюри демонстративно после конкурса выходят, а когото в жюри больше не приглашают. Каждый год в «Действующих лицах» новый председатель, и обязательно тридцать четыре новых члена жюри.

В условиях конкурса «Действующие лица» есть пункт, где говорится, что пьеса, выдвигаемая на конкурс, не должна быть нигде поставлена и опубликована и не должна быть инсценировкой литературного произведения. Почему? Если это авторское произведение, почему автор не может сделать из него пьесу? И почему

произведение не может быть опубликовано? Ведь ваш конкурс длится достаточно долго, к этому моменту автор вполне может сделать журнальный вариант и захотеть его где-то напечатать.

– Совершенно верно. Мы не принимаем инсценировки, вы правы. Но авторское произведение может быть инсценировано. Если это собственная оригинальная идея автора, то он, безусловно, может инсценировать произведение в пьесу.

И если автор где-то опубликовал рассказ, а потом сделал из него пьесу, то это его право и мы ее примем.

В прошлом году на пресс-конференции по итогам конкурса 2006 года выяснилось, что пьеса Людмилы Улицкой «Русское варенье» на момент участия в конкурсе уже была поставлена в Германии. Почему вы не дисквалифицировали ее? Значит, фамилия автора и его известность все же влияют на ход событий? Если бы это была пьеса неизвестного Василия Иванова, например, вы бы тоже так поступили или все-таки дисквалифицировали ее?

– Безусловно, должны быть очень жесткие и определенные правила любого конкурса, любого театра, но, тем не менее, сегодня наша жизнь настолько многогранна и настолько многополярна и многообстоятельна, что каждый раз из правила возникают какие-то исключения. Я не вижу в этой ситуации криминала. Да, Улицкая долго работала с этой пьесой. Первый вариант пьесы был создан года два тому назад. Она отдала его какому-то театру в Германии, он спетитировал, ей это не понравилось, им это не понравилось, пьеса довольно быстро сошла. Улицкая сделала новую редакцию, принесла пьесу в другой, московский театр. Там стали что-то с ней делать, ей опять

не понравилось, она забрала ее и принесла на конкурс к нам в театр. Я не вижу криминала в том, что где-то как-то эту пьесу попробовали. Я понимаю, если бы автор принес пьесу, которая пошла по театрам или была поставлена в каком-то известном московском театре, получила критику и отзывы, а потом уже ее принесли на конкурс. Практически эта пьеса не предъявлена ни критикам, ни зрителям, ни театрам.

Если молодой артист мне скажет: «Я завтра не могу прийти на спектакль», я отвечу ему: «Знаешь, дорогой друг, я тебя из театра уволю, если ты не придешь и сорышь мне спектакль». Но если мне скажет об этом Татьяна Васильева, я подумаю, выгонять ее или нет. Я не знаю, что дороже моему театру: сорванный спектакль, чрезвычайная ситуация с ним или чрезвычайная ситуация с Татьяной Васильевой. Она своей жизнью, своей многолетней работой в этом театре заслужила даже право отменить спектакль по личным обстоятельствам, хотя такого случая я не припомню. А молодой актер не заслужил этого права. Поэтому вполне возможно, что, если Улицкая напишет еще одну пьесу, мы опять ее возьмем и будем ею заниматься, и я считаю, что это нормально. И если Гришковец сегодня принесет новую пьесу, то, безусловно, мы будем ее рассматривать, даже если он принесет ее не 31 мая, а 2 июня. Я не думаю, что если нам принесут пьесу с опозданием на один или на два дня, мы откажемся ее принять, я не вижу в этом особого смысла.

Пьеса Улицкой «Русское варенье» имеет сноску afterchekov (после Чехова). Скажите, это новое направление в драматургии или, если вам кто-то принесет подобный вариант другой пьесы Чехова, причем талантливый, это уже будет считаться плагиатом?

– Я не знаю. Улицкая потому и Улицкая, что она в литературе находит некие новые формы. Но если кто-то принесет подобный вариант и мне будет интересно, то какая мне разница, было это или нет. Все-таки это сделано в широком жанре римейка, общепризнанного в литературе жанра, по следам некоего автора.

Может ли пьеса, присылаемая на конкурс, до, после и одновременно участвовать и в другом каком-то конкурсе? Может ли пьеса-победитель другого конкурса участвовать в конкурсе «Действующие лица»?

– Я как-то не думал об этом, надо посмотреть в уставе конкурса. Извините, я не могу отвечать за все жюри и за весь оргкомитет, но я предполагаю, что может. Но точно за всех не отвечу. Думаю, что если это хорошая пьеса, пусть соревнуется.

Если пьеса, представленная на конкурс, окажется таковой, но вы поймете, что по каким-либо причинам не можете или не хотите ее ставить, что тогда? Она войдет в число пьес-победительниц или нет?

– Мое решение: дать ей премию. А то, что она не «моя», не для моего театра, то что тут такого? Мы же не все пьесы ставим. Некоторые пьесы наш театр ставит, а некоторые нет.

У вас имеется какой-то лимит? Вот в этом году я ставлю еще одну новую пьесу или несколько?

– Лимита нет. Мой лимит заключается в том, что если пьеса мне очень нравится, то я ее стараюсь отобрать для нашего театра. Но если я знаю, что эту пьесу собирается ставить другой театр, то я ее не беру. Например, одна

пьеса в прошлом году мне очень понравилась, я хотел ее взять, но Роман Козак сказал, что он ее точно будет ставить. Ничего страшного, я не стал настаивать. То же самое мне Михаил Угаров сказал, что будет ставить в своем театре пьесу «Бедные люди, блин», и мы договорились, что я ему уступаю. Мы не ставим ничего, что ставят другие театры.

Я знаю, что по предложению Британского Совета вы проводили конкурс драматургов среди школьников и лучшие маленькие пятиминутные пьесы читали в высшем театре. А может победителем конкурса оказаться пьеса, скажем, двенадцатилетнего ребенка или, наоборот, пожилого человека? Вы поставите ее? Ведь пьесу 17-летнего Саши Демахина вы поставили. Вы не боялись того, что это молодой и совсем неизвестный драматург, ведь современный рынок тоже диктует свои условия?

– Так у нас уже был победителем 80-летний драматург, и ничего. Так что, хоть пятилетнего мальчика. У нас уже несколько лет почти все номинанты практически неизвестны. Первую премию получила Ксения Степанывева «Дважды два пять», первую премию получил Александр Демахин. Была бы пьеса хорошая.

Какое внимание вы уделяете пьесам, написанным для детей? В прошлых сезонах вы не выделяли номинацию для детей, в этом тоже. Почему? Так мало пьес для детей?

– Никакого специального внимания пьесам для детей мы не уделяем. Только хорошая пьеса. У нас нет никакого подразделения, хотя мы над этим думали. Для детей пьес приходит немного.

Для себя и своего театра вы тоже не выделили ни одной детской пьесы?

– Наш театр вообще очень редко ставит пьесы для детей. За всю жизнь театра, которому восемнадцать лет, мы поставили детские спектакли только дважды. Один «Песни Сергея Никитина», и «Вредные советы» Григория Остера. Мы драматический театр для взрослых людей. Но я скажу вам так: если бы мне в руки попала очень хорошая детская пьеса, я бы обязательно ее поставил.

В чем принципиальная разница (кроме материального выражения призов) между драматургическим конкурсом «Евразия», организованным Николаем Колядой, и конкурсом «Действующие лица»?

– Вот тем и отличается, что, при всем моем огромном уважении к Николаю Коляде, они уже много лет присылают к нам на конкурс по двадцать пьес. И если в них поменять местами авторов, зашифровать фамилии, то можно считать, что это одна пьеса многомногомногоактная, они друг от друга ничем не отличаются, за редким исключением. К сожалению. Это очень узко направленный стиль. Очень хорошие ученики своего замечательного мастера. Это одно из направлений современной драматургии – «школа Коляды», но это не школа российской драматургии. То же самое и его конкурс. Невозможно себе представить, чтобы на его конкурсе победили пьесы той же самой Улицкой и Гришковца.

Скажите, к вам часто приходят неизвестные драматурги «с улицы» и есть ли шанс у этих пьес быть прочитанными и поставленными?

– Очень часто. И скажу вам совершенную правду, я разговариваю с любым, кто приходит. Я открываю пьесу, читаю первую страницу, к сожалению, мои старость, опыт и самоуверенность разрешают мне после первой страницы либо выбросить это немедленно в мусорное ведро, либо отдать в литературную часть и сказать: «Ребята, почитайте внимательно и ответьте что-то», либо прои- должать читать дальше, что бывает крайне редко. Вот так я впервые совершенно случайно в конверте обнаружил пьесу Степанычевой из Саратова, которая потом уже на конкурс прислала другую пьесу («Дважды два пять»). Я прочел ее пьесу и сразу же подумал, что пьеса очень талантлива, замечательна. Я бы ее стал ставить, если бы не одно но – там был бесконечный мат и я не хотел, чтобы это звучало со сцены. Но пьеса написана очень таланты ливо. Я не поверил, что это написала 18-летняя девочка. Я написал ей: «Следующую пьесу обязательно пришли те». Она прислала и завоевала первое место на конкуры се. Мои студенты сейчас как раз играют дипломный спеку такль по этой пьесе.

Что бы вы хотели сказать драматургам, посылающим свои произведения на ваш конкурс?

– У меня есть ощущение, что большинство драматуры гов, особенно молодых, не ходят в театр, что они пишут пьесы в расчете, как сегодня принято говорить, на какойю то виртуальный театр. Они думают, что сядут за компьютер, выберут какие-то фигурки и те будут играть. Поэтому я бы очень хотел, чтобы драматурги, присылая пьесу на конкурс или принося ее в этот театр, знали, что на самом деле в этом театре играют Альберт Филозов, Татьяна Васильева, Лев Дуров, Сергей Юрский, Ольга Гусилева, Ирина Алферова и понимали: вот эту роль может сыграть этот артист, вот эту роль этот, вот эти декорации

могли бы быть на этой сцене расположены такъто и такы то... Поэтому когда драматург пишет, что действие прои исходит в безвоздушном пространстве между планетами Марс и Юпитер, и зеленая змея, летающая и говорящая с красным шариком, говорит красному шарiku: «Слушай, шарик» и т. д., – то он ничего не понимает в театре... Или предлагает какойъто такой свой театр, который быть может ктоытоиз его сверстников и придумает. Я хотел бы, чтобы драматург всеытаки представлял себе, что и как делать. И предлагал театру может быть сложную техноы логическую задачу, но творческую, а не некую мифичеыскую. Драматург должен, когда пишет пьесу, подумать о том, что вот хорошо бы, когда его мама и папа придут на спектакль по его пьесе, чтобы ему не было перед ними стыдно – если он молодой, а если взрослый, то чтобы его дети пришли, стали слушать, и детям тоже не было стыдно. Какиеытопростые вещи. Зрители должны все, что видят и слышат в театре, соотносить со своей жизнью, постигать чтоыто.

А потом, самое главное, чтобы это было интересно. Людям в театре должно быть интересно.

Интервью с Дмитрием Быковым

И. Г. Вас называют постоянным возмутителем спокойи ствия, репейником, чрезвычайно язвительным человеком. Вас радует такая оценка? Ведь на самом деле вы белый и пушистый в душе.

Д. Б. Меня, конечно, радует такая оценка, и не потому, что я такой черный и колючий, а потому, что я пытаюсь неы сколько расширить границы общественной терпимости, поынауюму говоря, толерантности. Это мне кажется очень важным, потому что когда люди привыкают терпеть

меня или кого-нибудь другого несогласного и любой другой вариант ершистости, то они от этого становятся толерантнее в целом, поэтому я не то чтобы сознательный возмутитель спокойствия, но я люблю иногда говорить вещи, которые не совпадают с официальной или общепринятой точкой зрения. Потому что люди, говорящие то, что предсказуемо, преследуют совершенно конкретные цели. Я знаю нескольких людей, которые очень любят поговорить о том, что добро – это хорошо, что надо быть добрым, что надо быть ласковым с мамой. Есть даже такое содружество людей в сети, которые занимаются пропагандой того, как важны хорошие отношения в семье, человеческие отношения. Надо помогать больным детям, надо, обязательно. Кто же скажет, что не надо помогать больным детям? Не надо разрывать на части чеченских детей, разве вы хотите, чтобы разрывали чеченских детей? Но, как правило, такой прием – это прием ложной идентификации. Например, надо помогать чеченским детям, а государство им не помогает, поэтому надо унифицировать российское государство, которое этим детям не помогает, а вместо этого делает бум, ну и так далее. То есть, это человек, который отождествляет себя с чем-то добрым и прекрасным, а потом с чем-то ужасным, и потом уже невозможно это разделить. Поэтому я против повторения банальностей. Потому что когда человек повторяет вещи банальные, он это всегда делает за чем-нибудь и с целью, как правило, это цель корыстная. Поэтому я никогда банальностей стараюсь не повторять, кроме тех необходимых случаев, когда нужно ну уж совсем внятно напомнить какие-то вещи. Вот в искусстве повторять банальности можно и даже нужно. Но в критике я работаю как диагност, а в остальном нет, я могу себе позволить говорить вещи нестандартные.

И. Г. Скажите, Дмитрий, как Вас на все хватает? Наверное, сколько я понимаю, Вы успеваете и писать статьи, и созыдавать книги, и постоянно общаться с разными людьми, как в сети, так и в реальной жизни. Высокий темп жизни для вас норма? А как к этому относится ваша семья? Вам удастся уделять внимание жене и детям?

Д. Б. Я собственно ничего абсолютно не успеваю. Я очень мало успел по сравнению с другими людьми. Например, если посмотреть, сколько успел Сергей Шойгу, то я успел минимально. Писать нетрудно. Напрасно думают, что писать трудно, конечно, это процесс трудоемкий, но это труд приятный, точно так, как считают, что секс это тяжело, так как, занимаясь сексом, человек теряет сил и энергии столько, сколько требуется на разгрузку вагона дров, если он будет не очень интенсивно работать. Такие вещи бывают, ничего ужасного, нормально. Я не считаю это каким-то аховым подвигом. Я успеваю мало. Я уже много раз рассказывал, что пишу прозу по субботам и воскресеньям, все остальное время – работа. На самом деле, если бы я писал то, что хочу, и так, как хочу, то я бы написал уже гораздо больше, романов у меня уже было бы штук восемь. А у меня их только четыре. У меня просто нет времени физически поехать посмотреть какие-то вещи, без чего роман не состоится. Я хочу написать хороший производственный роман. Мне для этого надо поехать в Сибирь, но я сейчас не могу. Наверное, придется делать это где-то в августе. Притом, за счет чего я экономлю время, так это потому, что у меня нет никаких хобби, этого мне не надо, никаких занятий, кроме литературы, у меня нет. Детей мало вижу, но когда их вижу, я, естественно, ими занимаюсь, но то у них кружки, то у меня кружки. Так что, я мало делаю. Надо больше, гораздо больше. Много писателей, что ли, в России? Писателей очень мало и пишущих мало. Надо все успеть, столько интересных событий происходит.

И. Г. Почему политические стихотворные сатиры и памфлеты, в которых явно присутствуют и рифма и ритм, Вы пишете прозаической строкой, не так, как стихи?

Д. Б. Потому что это статья по большому счету. Что тут еще сказать?

И. Г. Насколько мне известно из ваших заявлений, Вы не любите Интернет, вернее Рулинет. Вас там даже наырекли «бонвиваном Интернета». Как Вы относитесь к подобным нападкам в свой адрес?

Д. Б. Интернет — литература очень вторична. Литературные страсти сами по себе ужасны, а сетевые тем более. Главное, что сетевые говорят, вот мы белые, пушистые и талантливые, а все остальные получают деньги за свои произведения, продаются. Это такая типичная отмазка непрофессионала. Сейчас уже затихли эти склоки в Интернете, потому что все, что в Интернете существовало и пыталось пробиться на бумагу, успокоилось, и мы увидели, чего это стоит, 90% того, что печатается в сети, это просто говно. Это либо очень вторичное говно, байки, либо там в сети кипят такие социалистические романы, дикие африканские страсти, где люди орут друг на друга, ссорятся, мирятся и серьезно к этому относятся, а этого делать не надо совершенно, это не может быть настоящей жизнью. Я как-то писал о том, что, конечно, умирать за литературу приходится всегда, но обидно умирать за плохую литературу, что какой смысл? Поэтому я очень резок. Шостакович как-то раз сказал одному молодому музыканту, когда тот ему сыграл: «Очень хошь рошо, но лучше пить водку». Так вот в литературе лучше пить водку, она менее губительна. Поэтому к Интернету я как к форме легитимизации литературного процесса отыношусь отрицательно. «Я выложил в сеть свое произведеы

ние» – то есть как бы опубликовал, к такой публикации я отношусь очень плохо, это неинтересно. Это скопление дурных подпольных инстинктов. Графоман любой ужасен, а когда этот графоман в своей тусовке еще что-то значит, то это вообще ужасно. А как вы знаете, своя тусовка есть у всех, даже самый бездарный текст соберет поклонников. Так что это трагедия. Я очень не люблю публичного дневника. Человек пишет о себе в расчете на то, что это прочтут окружающие. Есть несколько типажей в сети. Есть романтическая девочка, есть мальчик – brutальный мачо, который комментирует военные события с политической точки зрения, и т. д. Любой, у кого есть ЖЖ, – это человек с явной психической патологией. Я себе завел пароль исключительно для того, чтобы заходить иногда в ЖЖ, когда там обсуждают меня, но я читаю там про себя какие-то чудовищные вещи и вношу какую-то ясность. Я не был там, там я не говорил того-то и того-то, у меня есть доказательства, извинитесь, пожалуйста. Чаще всего они извиняются.

И. Г. А вам это надо – развеивать эти слухи?

Д. Б. Ну, если о вас ползут слухи, что вы в такое и такое время валялись пьяный на тротуаре в обнимку с девушкой, то что вы на это скажете? Нет, я в это время не валялся пьяный на тротуаре, я валялся совершенно в другом месте и с другой девушкой. Вот свидетели. Извинитесь.

Иногда я отношусь к ЖЖ позитивно, как к форме общения. Иногда спорю с кем-то о различных вещах, и мне интересно. Негативно к этому я отношусь только как к форме самовыражения. Человек пишет о себе, и пишет так, чтобы нравиться окружающим, и тогда он становится ужасным. Так себя позиционировать слишком просто и неинтересно, очень легко быть белым и пушистым

и нравиться людям. Я абсолютно четко знаю, что надо делать, чтобы тебя полюбила та или иная категория людей. Что надо делать, чтобы нравиться женщинам после 30, русским, евреям, девушкам. Тогда уж лучше что-то делать, чтобы нравиться собственному ребенку, по крайней мере, его реакции еще не настолько запрограммированы. Чтобы понравиться сетевому сообществу, надо писать рублеными фразами такими, как бы вдохновенными, все время говорить банальности, иногда стирать свой журнал, устраивать виртуальные самоубийства. Все это очень доступно. Кого хвалить, кого ругать, кого поддерживать – это все понятно. Все эти люди знают, как надо жить.

И. Г. В своей статье «Достоевский и психология русского литературного Интернета» Вы пишете, что «Трения между литераторами неизбежны, поскольку литература имеет дело с такими дефицитными вещами, как личное бессмертие, сознание осмысленности своего бытия, коы нечная истина и проч. Естественно, что совместное пользование всеми этими прекрасными вещами исключено. Можно сколько угодно говорить о терпимости, но нетерпимость заложена в самом ремесле художника. При этом собственно уровень художника, мера его одаренности – вопрос десятистепенный». Я так понимаю, что это относится не только к Интернету, но и к писателям вообще. А вы сами человек терпимый к чужим удачам, а к неудачам?

Д. Б. Как писатель я, конечно, человек завистливый, но завидую я, как правило, все-таки белой завистью. У писателей, у литераторов, разумеется, есть свои комплексы: с возрастом хиреет память, падают творческие способности, как сказано у Маяковского, «приходит страшнейшая амортизация». Зависти я подвержен в меньшей степени,

так как очень много творческих людей – мои друзья, по крайней мере те, кто мне нравится как пишет, мы с ними встречаемся, общаемся, мы составляем некую такую творческую когорту, типа того, что вместе проще выжить и потому, что я хочу общаться с человеком, если есть что-то за текстом, что меня к нему притягивает, так что я завидую им по-жоростому, белой завистью. Меня притягивает к ним их талант. Мы можем часть дел и творческих задач передавать друг другу, переваливать друг на друга. И это хорошо. А завидую ли я, например, деньгам? Да, безусловно, и не только литературским. Я завидую всем людям, у которых много денег, которые могут себе позволить не работать или работать так, как им хочется. И эта зависть во мне есть, и я этого не стыжусь. Завидую я праздным богатым людям, которые могут сидеть и груши околачивать, так как это мое, я бы это с удовольствием делал. Но олигархам, которые работают с утра до ночи, я не завидую.

А по поводу неудач – я люблю писать фельетоны, и деулаю это с наслаждением. Вот у меня лежит гранка с тремя политическими биографиями, написанными плохо, смешно и нелепо. Я оттягиваюсь и пишу фельетоны по этому поводу. Потом, терпим ли я к чужому мнению? Нет, не терпим, потому что у меня есть свое и я не верю в терпимость к чужому мнению. Я не люблю, когда люди говорят глупости, тем более когда это опасные глупости. Когда мы расходимся в трактовках того или иного литературного произведения, тогда пожалуйста, но если человек говорит, что Москва для москвичей, то я, конечно, могу ему объяснить, что он неправ. Ну и так далее. Так что я никогда не видел ни одного терпимого человека, это просто люди, умеющие скрывать свои чувства и мысли, я как раз предпочитаю вспыльчивых людей, потому что они гораздо честнее. По крайней мере, такой человек изъезжает угла никогда не огреет оглоблей. Лучше та собака, которая лает, потому что она не кусает.

И. Г. У вас намечаются еще какие-то программы на телевидении или вам это уже надоело, жизненный опыт получен и пора двигаться дальше? Каков тогда следующий шаг? Может, пора снять мультфильм?

Д. Б. Пока нет. А насчет мультфильма – это тоже не от меня зависит. Но это очень сложно. Сделать убедительный диалог, например, для кино, я бы не смог. Я очень хорошо умею писать прозу, это я знаю, как делается. Ритм в прозе у меня есть, ритма в кино нет. У меня очень широкий спектр увлечений в литературе, и за них я отвечаю, а писать сценарии для кино я не могу. Например, я очень плохо разбираюсь в изобразительном искусстве, хотя все мои друзья-художники меня старательно просвещали, водили меня в музеи, говорили: вот это плохо, а вот это хорошо. Я никогда не буду поэтом, потому что делать того, что у меня получается через пень-колоду. Еще я прекрасно умею чинить электроприборы, всегда знаю, где контакт отходит. Да, хороших мультфильмов мало, но и хорошей музыки мало, я же не пишу музыку.

И. Г. Ну, у вас же есть ваша детская книга «Зверюши», ее можно экранизировать.

Д. Б. «Зверюши» могут и не получиться, это сугубо литературная вещь. Я не очень хорошо представляю себе зверюшку на экране. Зверюшка – это существо. Это хорошая плюшевая игрушка, ее трудно представить рисованной, она скорее кукольная, что ли.

И. Г. Как удастся совмещать в себе поэта и прозаика? По вашему же выражению из публикации «Двести лет вместе», прозаики – люди «неумные», поэты – практически наоборот. Так каким образом у вас это свелось к единому знаменателю?

Д. Б. Ну, это не совсем так. Прозаик глупей, а поэт умней. Да, я на этом настаиваю, это действительно так. Но мне это не мешает, так как я не масштабный прозаик. Единственный случай, который вызывал у меня сомнения, это был Искандер. Мне казалось, что он был отчаянно умен и что при этом он был талантливый писатель. Но потом я написал в своей статье, что Искандер действительно был очень умен, но он остановился в шаге от величия настоящего. Еще бы шаг – и он бы рехнулся понынаотоящему, но он остался просто очень хорошим писателем и остановился за шаг от гения. И поэтому у него сохранилась потрясающая способность четко отделять добро от зла. Он всегда отличался поразительной адекватностью. Например, он первым в 1994 году сказал, что должна быть лояльность по отношению к власти. Это была очень глубокая мысль. Он же мне когда-то сказал, люди нравственности – это люди поврежденного ума, так как люди и мораль плохо совместимы.

Он же первый сказал: «Насколько музыка лучше, чем водка, потому что музыка не дает похмелья». С тех пор я с ним совершенно согласен. Потому что ужасы похмелья компенсируют любое удовольствие, и я с некоторых пор понял, что это правда. При том много людей, хороших и интересных людей, которых я знал, довели себя до такого состояния, что с ними сейчас уже ни о чем не поговоришь.

И. Г. «Каждая нация осуществляет свою тайную программу – и только русские боятся заглянуть в себя», – пишете вы в той же статье «Двести лет вместе». А вы русский человек? И тоже боитесь заглянуть в себя или делаете это регулярно? И что вы там видите?

Д. Б. Да, я в себя заглянул. И многое понял. Я понял, что нельзя примирить русского и еврея. Поэтому я их из себя выдавливал, сначала еврея, потом русского. Все свои

книги я написал, чтобы избавиться от различных страхов и комплексов. «Эвакуатора» я написал, чтобы избавиться от страха перед жизнью, чтобы понять, что бежать некуда. А вот «ЖД» это то, что остается, когда выдавишь из себя по капле и жидка, и русского. Как говорил Пелевин, что когда упадут с трубы А и Б, то останется то самое И, которое представляет из себя интерес.

И. Г. В романе «Эвакуатор» ваша героиня говорит: «Все стало второсортным, а мы с тобой первосортные. Поэтому мы все это разрушаем». Вы соотносите эти слова с самим собой?

Д. Б. Нет, я совсем не первосортный. Тот, кто работает хорошо, рано или поздно получает по балде, это закон жизни. Это не просто так. Господь не фрэер, он, наверно, каким-то образом пытается спасти талантливых людей, но у него ничего не получается, потому что все первосортное ведет к гибели этого мира, этого сегодняшнего, русского. А гибель этого мира, видимо, пока нежелательна. Все что хорошо, оно приближает историю, оно заставляет историю начинаться.

Россия живет 800 лет без истории, а может быть, и больше. И любой человек, который начинает задумываться – «ребят, ну вы что, что же мы делаем», заигрывает с судьбой: «минуточку, минуточку, вот этого не надо». То, что в России есть установка на второсортность, по моему, достаточно очевидно. Надо писать так, чтобы тебя все поняли, надо написать так, чтобы тебе это не стоило какой-то жизненной катастрофы. В поэзии это не так заметно. А написать сейчас в России настоящую прозу, это значит констатировать несколько совершенно чудовищных для нас вещей, для нашей нации. Написать, например, открытым текстом: русских как нации нет, влаи

сти нет – и написать все это открытым текстом. Но это не пройдет. И поэтому приходится писать все это странными кривыми путями.

И. Г. А вот если бы от вас зависело, кому дать литерарную премию, а кому не дать, тогда как?

Д. Б. Мне всегда было безразлично, кому дать, а кому нет. Всякий писатель – очень несчастный человек и очень нуждается в деньгах. Он заслуживает того, чтобы получить бабки. Я думаю, что все должны были бы собраться и решить, какой из писателей сейчас больше всего нужен в премии, не финансово, а пожеловечески. И дать ему премию. Давайте премию мне, потому что я нуждаюсь в деньгах, а если не мне, то любому, так как любой писатель – это страдалец за человечество.

И. Г. Дмитрий, расскажите, каким образом возникают ваши идеи романов? Что-то одно можно «выцепить из воздуха», но целиком продумать сюжет, все переходы, коллизии... Как это происходит у вас?

Д. Б. Я бы с удовольствием написал хороший прозаический роман, эта идея у меня давно зреет, только времени нет. Этот сюжет кроме меня сейчас никто не пишет, потому что это тяжело и потому что я знаю, как это надо сделать. Роман придумать очень просто, придумать легко, трудно его писать, потому что это большой труд. Холст нужно сначала загрунтовать, потом написать картину в два или три этапа, сначала просто набросать красками приблизительно, и вот приблизительно такая картинка, потом уже начинаешь это все прописывать, менять местами, убирать какие-то линии, переписывать их. Писать роман – то же самое, это чисто технический процесс.

Хороший роман пишется год, это как минимум. Иногда два три, но это уже на эпопею. А роман – год, а потом еще его два месяца доводишь вместе с редактором. Дольше писать роман нецелесообразно. Можно переносить его в себе или рехнуться.

И. Г. Ваше стихотворение «Автопортрет на фоне» очень интересно и самокритично. А в нынешний период жизни вопрос о смысле жизни вас тоже не волнует? Вы его уже поняли для себя?

Д. Б. Для того чтобы задаваться вопросом о смысле жизни, надо находиться где-то вне жизни. Сверху. В чьей-то человеческой компетенции этот вопрос неразрешим. Есть два ответа на этот вопрос: религиозный и атеистический. Религиозный – это исполнение божественного замысла, а атеистический – делай все, что можешь, максимально реализуйся. Я так полагаю, что моя максимальная реализация не так уж противоречит божественному замыслу, так что все примерно так я для себя решил. Вообще вопрос о смысле жизни при известном качестве жизни не возникает. Он не возникает, либо когда человеку очень плохо и тогда ему не до смысла, либо когда ему очень хорошо. Так вот надо либо ввести себя в состояние, когда тебе очень плохо, сознательно ввести, либо постараться сделать очень хорошо.

Моя реализация сейчас затруднена, так как у меня на нее есть всего два дня в неделю и то не факт. На мне сейчас висят три текста. Это хорошо или нет? Нет, это плохо, это неправильно. Поэтому я, может, и загоняю сейчас себя так работой потому, чтобы у меня не было времени задуматься: «А зачем?» или испугаться смерти понынающему или подумать: «Ах, какой ужас этот бег времени». Когда мне думать об этом? Так что ничего хорошего

рошего, уверяю вас, в этом нет. Я пытаюсь поставить себя в ситуацию, когда у меня нет сил думать о собственном смысле жизни.

Автопортрет на фоне

Хорошо, что я в шестидесятых
 Не был, не рядился в их парчу.
 Я не прочь бы отмотать назад их –
 Посмотреть. А жить не захочу.

Вот слетелись интеллектуалы,
 Зажужжали, выпили вина,
 В тонких пальцах тонкие бокалы
 Тонко крутят, нижут имена.

А вокруг девицы роковые,
 Знающие только слово «нет»,
 Вслушиваются, выгибают выи
 И молчат загадочно в ответ.

Загляну в кино Антониони,
 В дымную, прокуренную мглу:
 Что бы делал я на этом фоне?
 Верно, спал бы где-нибудь в углу.

В роковых феминах нет загадок,
 Как и в предпочтениях толпы.
 Их разврат старателен и гадок,
 В большинстве своем они глупы.

Равнодушен к вырезам и перьям,
 Не желая разовых наград,
 О, с каким бы я высокомерьем
 Нюхал их зеленый виноград!

Толстый мальчик, сосланный от нянек
В детский ад, где шум и толкотня, —
Дорогая, я такой ботаник,
Что куда Линнею до меня.

Никаких я истин не отыскивал,
Никогда я горькую не пил,
Все бы эти листики опрыскивал,
Все бы эти рифмочки лепил.

Дорогая, видишь это фото?
Рассмотри не злясь и не грубя.
Ты на нем увидишь идиота,
С первых дней нашего себя.

Сомкнутые брови, как на тризне.
Пухлых щек щетинистый овал.
Видно, что вопрос о смысле жизни
Никогда его не волновал.

ХУДОЖНИК И ТВОРЧЕСТВО

1. Соперничество искусства и жизни

Что такое искусство? Зачем оно нужно человеку в его жизни? Зачем художник создает произведение, а читатель, зритель, слушатель внимает ему? Многие поколения задавались этим вопросом, но он до сих пор остается открытым. Действительно, почему? Зачем нам нужно искусство и что оно отражает: внутренний мир художника или реальную жизнь? Давайте попробуем решить этот вопрос с позиции сегодняшнего дня, с позиции современного представления человека о мире, искусстве, психологии...

Искусство стремится отразить жизнь, познать ее, преувзойти ее, уловить тонкие, невидимые глазу связи с реальностью и ирреальным, вычленив какие-то космические, психологические и иные закономерности и случайности жизни, какие-то тонкие грани бытия.

Воздействие произведения искусства на человека отличается от воздействия на человека каких-либо событий жизни своим эффектом. Произведение искусства дает эстетическое наслаждение, рождает катарсис, несет в себе знание и познание, тогда как жизнь влечет за собой деяние или неделание, устранение от принятия решения. Произведение, созданное одним художником, заставляет зрителя, слушателя, читателя воспринимать картину с его угла зрения. Психологические эмоции и переживания, испытываемые читателем от книги, гораздо интенсивнее, чем эмоции в повседневной жизни. Художник направляет читателя, словно говоря, на что следует обратить внимание, где надо заплакать или расчувствоваться. И читатель подчиняется, срабатывает психический механизм, который обозначают как феномен допущения, заставы

ляющий смотреть на вымышленное как на реальное. Но если сильный стресс и сильное переживание в жизни побуждают человека изменить ситуацию, исправить ее, то сильное переживание в искусстве, катарсис, уже является самодостаточным, представляет ценность само по себе.

В самом деле, повседневная жизнь любого человека подтверждает, что эмоцию вызывает как реальное событие, так и воображаемое. Оказывается, что иллюзии жизни равны ей самой, между воображаемым и реальным – проницаемая граница. Воображаемое всегда может оказаться реальным, а реальное – воображаемым. То, что представляется реальностью, не всегда есть суть реальности, это может быть лишь видимость, обман, а воображаемое, желаемое, может оказаться действительностью.

Вместе с тем искусство гораздо более насыщено, концентрировано событиями, эмоциями, переживаниями, действиями, чем реальная жизнь, которая может течь спокойно и умиротворенно долгие годы. Искусство может быть ярче и блистательнее, совершеннее, но реальность гораздо шире, вмещает в себя много непознанного, незнаемого. Иначе говоря, одну сторону, одно событие искусство может отразить гораздо ярче, осветить с разных граней, найти там что-то запредельное, вытащить на свет божий потаенные пружины и механизмы, увидеть это что-то глазами более внимательными и чуткими, но в целом жизнь гораздо богаче и многограннее, чем искусство, и соответственно непознаннее.

Если же продолжать говорить о соотношении искусства и жизни, то можно добавить одну очень важную вещь. Еще Аристотель говорил о том, что будучи перемещенными в сферу искусства, знакомые предметы и явления обнаруживают в себе новый смысл. Сравнивая историю – науку фактов – и поэзию, Аристотель отмечал, что историк говорит о том, что было, в то время как

поэт обладает возможностью говорить о том, что может случиться. «Поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит о более общем, история – о единичном». То есть, осмысливая с помощью искусства какие-то реальные вещи, можно открывать их тайны и закономерности, чтобы в реальной жизни воспринимать их уже по-новому. Это как свойства волшебной палочки, с которой не умеешь, а только учишься обращаться – свойства волшебные, стихийные, но закономерности существуют, их можно узнавать и применять. Искусство и жизнь диалектически и мистически связаны между собой, и нельзя говорить о том, что одно «выше» другого тамто и тамто, а другое «выше» тамто и тамто, они диалектически связаны, обусловлены друг другом, переплетены в таинственную и сложную структуру взаимопроникновений.

2. Акт творчества

Художник – это определенный психологический тип человека, со своей судьбой, странностями, эмоциональными надрывами. Несколько лет назад вышедшая книга Григория Чхартишвили «Писатель и самоубийство» еще раз показывает нам, какой сложной структурой является личность художника и как разрушительно она на него влияет. Риск профессии художника – в его раздвоенности, в личностях, которые сосуществуют в нем, в его андрогинности (Платон) и исконной бисексуальности (Бердяев), в стремлении «залезть в шкуру» каждого из своих персонажей, прожить его жизнь, прочувствовать его мысли. Это такая амбивалентная структура, это луч света, распадающийся на составляющие его цвета, это и гармония и дисгармония вместе взятые, это хаос и порядок...

Французский ученый Жак Маритен пишет, что парадоксальность внутреннего мира художника в том, что он, его таинство «открыто как для Неба, так и для Ада», что это человек и безумец, и рациональный ремесленник, т. е. парадокс – это нормальное состояние творческой личности. Непрерывная смена ролей, персонажей, явных и тайных желаний, грехов, какой-то чудовищной смуты и блаженного умиротворения, пробуждение самых различных страстей и совершение благородных и низких поступков – это вихрь, составляющий жизнь художника. Вот как пишет О. А. Кривцун в книге «Психология искусства»: «Сверхчеловеческое напряжение необходимо художнику, чтобы вместить в себя всю эту разрушительную полярность, овладеть обостренной отзывчивостью к миру».

Непрерывная самоидентификация художника с самыми разными персонажами – необходимость, цель жизни, пища для ума и души, суть творческого человека.

Совокупность всех черт человечества – способность быть любым из людей, выбрать и проиграть любую судьбу, множество судеб – это сродни возможности стать Творцом и Богом. Правда, тут есть опасность не прожить своей жизни, не художнической, а простой, человеческой... хотя, с другой стороны, это тоже судьба. Многие гранности творческой личности часто приводят к душевным кризисам, опустошению, вживанию в образ настолько, что выдираться из него бывает мучительно больно, но еще больнее не делать этого. Это становится сущностью, воздухом, наркотиком, а при попытке избавиться от такого существования – ведет к смерти. Ощущение самых тонких граней бытия, невысказанного количества оттенков цвета, света, звука, слова переполняют художника и расширяют его, иногда до такой степени, что за нею таится пустота безумия.

Находясь в процессе творческого акта, художник всецело погружается в него, в сюжет, отвлекаясь от реального мира и почти не существуя в нем. Он может забывать о реальных, насущных делах, перестать принимать пищу, потому что он находится в другом мире.

Ортега и Гассет пишет: «Жить – значит выходить за пределы самого себя». Те же мысли волнуют и М. М. Бахтина: «Изнутри себя самоё жизнь не может породить эстетически значимой формы, не выходя за свои пределы, не перестав быть самой собою». Многие ученые и художники обращались к этим мыслям независимо друг от друга. «Жизнь – театр», не правда ли? Каждый играет, пробует и примеряет на себя какие-то роли, оставаясь в тех, в которых удобнее и уютнее, но художник не ищет удобства, он, как змея, сбрасывает кожу, чтобы тут же начинать наращивать новую, а вырастая из нее – опять сбросить и повторить тот же процесс заново. Снова и снова...

Жан Маритен утверждал, что искренность художника – «это искренность материи, готовой принять любую форму. Она состоит не в том, чтобы видеть себя, но в том, чтобы принимать и лелеять себя именно таким, каким в тот или иной момент себя обнаруживаешь». Но эта бесы предельная пластичность художника достаточно спорна и безусловна. Все же какой-то стержень обязательно должен иметься. Иначе художник уподобляется марионетке, которую дергают за нити и лаги, но которая сама по себе безвольна, мягка и тряпична. Вряд ли это на самом деле так.

Художник, безусловно, имеет какую-то иную энергетику, которая подпитывает его, дает ему иное зрение и видение окружающего мира, с которым он общается посредством неких таинственных сигналов, невидимых и неосознаваемых. Это сродни чуду. Настоящий художник, очнувшись от своего творческого забытья, порою сам не может поверить в то, что это его слова, мысли, чувства,

мазки кисти запечатлены на этом листе бумаги или холсте. Трансцендентное состояние – это норма. Иначе начинаются ломки. Энергетика, связывающая с космосом, с какими-то земными и неземными энергиями, – одна из главных составляющих такого Творца. Это простая истина, явленная через простые и обычные слова и понятия, но между тем она настолько щемяще сакральна, что от понимания и осознания ее захватывает дух.

Вместе с тем совершенно естественно то, что художник и из себя желает создать мистического и сказочного персонажа, сотворить некую легенду, необычную, спой собную оставить память о нем в веках. Самоутверждение не только в творчестве, но и посредством создания мифа о себе составляют потребности этого психологического типа. Театральность, эпатажность, ощущение себя вне социума диктуют манеры поведения в обществе, создавая легендарность, отчужденность, возводя на какой-то иной пьедестал. Это и свобода и зависимость одновременно. Это диалектика существования художника. Выдерживать такой накал способны немногие. Поэтому и жизнь многих величайших художников – это трагедия от начала и до конца.

Судить о том, хорошо это или плохо, правильно или неправильно, смысла нет, так как обычные критерии тут не действуют, те же мерки не подходят. Как прокрустово ложе, в которое невозможно уместить то, что изначально там не умещается.

Поэтому мы просто отметим эту миссию избранничества, надевшую на себя вериги блаженных, отметим уникальность и призванность в этом мире данного психологического типа, типа художника, не позволяя себе судить его и судачить о нем.

3. Самоотождествление художника и предмета. Неидентифицируемость личности

Какие же условия необходимы художнику, чтобы состоялся процесс самоотождествления его с персонажем, событием или явлением? Разумеется, вдохновение. Но это еще не все. Непрерывная потребность превзойти себя, сделать лучше, написать лучше, поинтереснее осмыслить те или иные события, характеры, поступки, для того, чтобы реализовать все грани своей личности, все, что таится в зародыше, запрятано изначально в душе, генах и т. п. Способность учиться, поинтереснее осмысливать жизнь, события, постоянно открывать что-то новое, не отрицать оголтело каких-то вещей, предварительно не изучив их, способность временно мимикрировать, менять взгляды и установки, способность колоссально много работать и изучать необходимый материал с разных сторон и многое другое – все это требуется художнику в его работе.

И если Фрейд стремится показать развитие и преломление разных психических комплексов в произведениях крупных художников, мотивируя их проявление специфической сексуальностью, либидо, то все равно его научные изыскания сводятся к психологии художественной личности, а не к психологии художественного текста.

В отличие от Фрейда его ученик Карл Юнг считал, что то, что применимо к художнику как к личности, неприменимо к нему как к творцу. Нельзя слишком гипертрофировать индивидуальные сексуальные комплексы, строя на них такую зыбкую систему. Юнг считал, что художническая психология есть вещь коллективная и слишком ее индивидуализировать – это неправильно. Иными словами, проникновение создателя произведения в коллективное бессознательное – одно из важнейших условий продуктивности художественного творчества.

Юнг не отрицает те психические комплексы, которые живут в индивиде и которые сформулировал Фрейд. Однако Юнг истолковывает их по-иному, рассматривая в качестве архетипов. Архетипы, согласно Юнгу, выступают как всеобщие образы, формы, идеи, представляющие собой доопытные формы знания, бессознательные мысли, формы. Коллективные образы наиболее явно претворились в формах народного фантазирования и творчества. Разрабатывая эту линию, ученый внес весомый вклад в теорию мифа. Юнг убежден в том, что коллективные образы, так или иначе, определяют природу творческой фантазии и отдельного художника. Наблюдение над повсеместностью схожих мифотворческих мотивов у народов, которые никогда не приходили в соприкосновение друг с другом, приводит Юнга к идее об укорененности истоков мифотворчества и фантазирования в общей природе людей.

Продуктивной явилась и разработка Юнгом теории психологического и визионерского типов творчества. Психологический тип творчества основан на художественном воплощении знакомых и повторяющихся переживаний, повседневных людских скорбей и радостей. Переживание, которое культивирует визионерский тип творчества, это взгляд в бездну, в глубины становящегося и еще не ставшего, в скрытые первоосновы человеческой души. Именно такого рода первопереживание приближает к постижению онтологической сущности мира.

Заметное влияние на развитие интереса к психологии художественного творчества оказал и Бердяев, толковавший творческий акт как процесс самопревышения, способность выхода за пределы собственной субъективности и за границы данного мира. Он утверждал, что ценность природы творчества заключается в том, что оно всегда развивается в оппозиции к нормативности, и шире – в оппозиции к любому рационализму.

Тем не менее, изучая процессы природы художественного творчества, многие ученые и мыслители приходили к выводу, что эти процессы настолько иррациональны, что выявление их механизмов и законов невозможно. Разложить все по полочкам и найти закономерности, при помощи которых осуществляется творческий акт, нереально. Так, в диалоге «Ион» Платон приходит к мысли, что в момент творчества художник не отдает себе отчета в том, что он творит. Акт творчества демонстрирует силы художника выйти за пределы себя, когда душа его проникает в мир запредельных сущностей. Конечно, экстаз – это, в некотором смысле, безумие, изменение нормального состояния души, но это, по словам Платона, – божественное безумие, божественная одержимость.

Творчество – по самому своему определению – это создание того, что еще не существовало, в этом смысле любой творческий акт не может быть измерен критериями, сложившимися в культуре до него. Откуда приходит творческий импульс, рождающий озарение и прозрение и разбивающий прежние правила и стереотипы? Творческий акт никогда целиком не детерминирован извне, но и не исходит целиком из души художника, из его внутренней сущности. Творческие мотивы – это наиглавнейшие побудительные мотивы личности художника, он пишет потому, что не может не писать. Но эти мотивы описать также практически невозможно. Они остаются тайной.

Художник, прежде всего, живет внутренней потребностью творчества, силой, которую невозможно оставить, если она уже зародилась и, как огромная волна, покатила по своему назначению. Все другие факторы тогда отодвигаются в сторону, отбрасываются, становятся мелкими и незначительными. Внутренние импульсы оказываются гораздо важнее внешних. Таким образом, художник стремится жить в этом мире, чтобы иметь возможность сотворить то, что ему предназначено.

Ирина Горюнова
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ЗНАКОВЫЕ ИМЕНА
(Статьи, рецензии, интервью)

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Игорь Дуардович*
Обложка — *Ольга Витт*
Корректор — *Капитолина Келаскина*

Бумага офсетная
Гарнитура FuturaFuturisLightC
Тираж 1000 экз.
Сдано в набор 03.11.2011
Подписано в печать 22.11.2011

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.